

84(2 Рсс-Рус)6
433

Владимир ДЕНИСОВ

Это ЖИЗНЬ

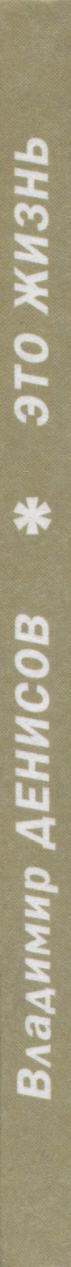
- ПАМЯТЬ
- ЖИТЬЕ - БЫТЬЕ
- О НЕЙ
- СМУТНОЕ ВРЕМЯ
- ПРОЗАИЧНОЕ
- И СМЕХ НЕ ГРЕХ
- ТВОРИМ, БРАТЦЫ
- ПЕРЕВОДЫ

Владимир Денисов родился в г. Свердловске.
 Служил в армии, работал водителем
 троллейбуса, художником, журналистом.
 Поэтические книги автора выходили
 в Свердловске, в Москве, на Сахалине и в Уфе.
 Член Союза писателей РФ и РБ.
 С 1993 года живет и работает в Уфе.

КНИГА

Владимир ДЕНИСОВ

Это ЖИЗНЬ

*Стихи,
переводы*

Уфа - 2003

УДК 821.161.1
ББК 84-5(2Рос=Рус)
Д 33

Денисов В. В.

Д 33 Это жизнь: Стихи, переводы. — Уфа:
“Китап”, 2003. — 176 с.
ISBN 5-295-03232-9

В новую книгу уральского поэта Владимира Денисова вошли стихи различной тематической направленности, как написанные давно, так и совсем новые, еще не известные читателям.

ТП — 111/03

УДК 821.161.1
ББК 84-5(2Рос=Рус)

ISBN 5-295-03232-9

© В. В. Денисов, 2003

ПАМЯТЬ

*Служа Отечеству,
себе не требуй выгод...*

* * *

Не заставший былую войну,
Поплотнее укутаюсь в книги
И печально
Взгляну на страну,
На ее пробуксовки и сдвиги.

Телевизор, газеты, кино
Мне глаголют печатно и устно:
Кто-то выжал за двести кило,
Кто-то сверху Земле улыбнулся.

И прекрасно, друзья по любви
К нашей общей и гордой державе!
Только гордость стоит на крови,
На великой,
На дедовской славе...

СМЕРТЬ КОМИССАРА

О чем он думал в этот миг,
Когда в лицо глядели дула,
И костью

 слово “большевик”
торчало в горле есаула?
Солдаты встали по местам,
По краешку весенних лужиц...
О чем он думал, комиссар,
Спиной к могиле повернувшись?
Наверно, все-таки о том,
Что будет без его догляду
Труднее выбраться тайком
Из окружения отряду;
О том, что мало лошадей,
Патроны — вовсе на исходе,
Что столько сгнуло людей
В одном-единственном походе;
О том, что кончится война —
Тому и контра не помеха,
О том, что кончится весна —
В лесах опять забродит эхо...
Эх, побывать бы на косьбе,
Зажать в руках тепло литовки!
...Ему додумать о себе
Не дали
Выстрелом
Винтовки.
И были дали так сини
В белесых облачных барашках...
О чем же думали они,
Убийцы
В форменных фуражках?
Худой, усатый есаул
Пылиночку с перчатки сдунул.

“Убрать!” — на мертвого кивнул
и ни о чем уже не думал.
Лишь напевал он:
— Оля-ля!
В глазах смешиночка плясала...

В раздумье тягостном
Земля
Укрыла тело комиссара.
И стало в небе вдруг
Темно,
И ветры
Звезды в нем раздули,
И было все погружено
В одно великое раздумье...

* * *

На Волге, Днепре, на Урале
И там — у последней земли,
Нас белые пули не брали,
Нас дымные ветры не жгли.

Мы падали наземь в атаке
С горячих, как пламя, коней,
И наши суровые флаги
От крови алели сильнее.

Нас лютою пыткой пытали,
Прикладами били в пыли,
Нам за спины руки вязали
И к ближним оврагам вели.

И — залпом!
С плеча и с колена,
По взмаху холеной руки...

Но мы подымались из плена,
Рабочие сжав кулаки.

Но мы восставали из праха,
И нам у могильной черты
Последняя друга рубаха
Порой заменяла бинты.

На Волге, Днепре, на Урале
И там, у далекой земли,
Нас белые пули не брали,
А сладкие речи — смогли...

БАЛЛАДА О НЕСМИРЕНИИ

В пустой церквушке — лазарет.
Бог на кресте поводит бровью.
И пол церковный разогрет
Телами, тряпками и кровью.

Отбросив мятый патронташ,
Ефрейтор матом боль встречает,
А кто-то шепчет: “Отче наш...”
И головой в бинтах качает.

Майор черкает на листе —
Внесли поправочку из штаба.
А отче дремлет на кресте,
Аж голова свалилась набок.

Он не растратил и плевка
На фрицев.
Что ему огонь их?
Он провисел уже века,
Свои страданья узаконив.

Не всем медали выдала война,
Не всем, кто оборол лихие дали...
Прислушайтесь: заплакала струна —
То стонут не отлитые медали.

Куда пошел торжественный металл,
Дает ли волю он скупому звону?
Одно я знаю: часто он не там,
Где должен быть
По правде
И закону.

Идет он на шальные ордена
И звезды, что теснятся на мундире...
Не всем медали выдала война
И надо, чтоб об этом не забыли.

ВETERАН

Он жизнь печальную влачил,
Он пил и дома, и не дома...
И вдруг он орден получил
Из рук седого военкома.

Сквозь тридцать с лишним лет и зим
Пройдя — из фронтового ада,
Нежданно повстречалась с ним
Его законная награда.

Ему хотелось убежать,
Да сухость губы обметала...
Не смог в руках он удержать
Кружок тяжелого металла.

Как будто щеки жгло огнем,
Когда он тихо орден поднял...
Но люди помнили о нем,
Он о себе уже не помнил...

* * *

Друзья его в земле зарыты,
А он, безногий инвалид,
Как богатырь былинный в битве,
Наполовину в землю врыт.

Ему бы малое усилие,
Чтобы с усмешечкой Ильи
Рванувшись,
Выдернуть босые,
Живые ноги из земли.

И очутиться в старом лете
За день до проклятой войны.
Но нету сил таких на свете,
Как нету друга и жены.

С годами он все ниже, ниже...
Судьбой неласковой храним,
С годами он все ближе, ближе
К далеким сверстникам своим.

ПОЛИЦАЙ

Его не помнят.
Стерлась память.
По слухам — где-то воевал...
Как деньги, что ничем не пахнут,
Ничем не пахнут и слова.
А он над картами склонится,
Как в оккупированный год
Над списком местных коммунистов
Или над трупом у ворот.
И жизнь — прошла,
И бита карта!
И — не уйдешь от гневных лиц.
И знает твердо: ищет кара
Замаскированных убийц.
Уж много лет, как нет покоя...
Он в лес уйдет, скрывая страх:
Трава

склоняется

в погоне,
засада

шепчется

В кустах.
Он дверь захлопнет на щеколду,
Худой, невыспавшийся, злой,
А воротник прилипнет к горлу
Суровой висельной петлей.
Темны неприбранные сени,
Порог избы, как плаха, крут,
И по ночам убитых тени
Его окошко стерегут...

ДАВНЕЕ

Он бил ее не то чтоб слабо,
Не то чтоб сильно, но уж так,
Что по двери сползала баба,
Держась рукою за косяк.

И тихо охала у входа,
Пока он,
Оседлав скамью:
— Я шел к тебе четыре го-ода... —
Хрипел любимую свою.

Совал горбушку хлеба к носу —
Пил алкоголь недорогой
И, сжав зубами папиросу,
Одной прикуривал рукой.

Ходил по дому с бранью краткой,
Каким-то снимочком тряся...
Молчала женщина, украдкой
На фотографию кося.

На снимке том глядел степенно
Сынок, чернявый, как смолье,
Напоминанием измены
Одной-единственной ее.

В послевоенный год когда-то,
Устав пахать, косить и жать,
Она любимого солдата
На месяц перестала ждать.

А он с того вернулся света,
Промучась год в госпиталях,

Оставив только руку где-то
На рейнских выжженных полях.

С тех пор давно не полыхает
От бомб
Ни поле, ни жильё,
А все ж война не утихает
В согбенном домике ее.

И это видеть надо, что ли,
Как женщина, прибравши дом,
Неслышно, охая от боли,
Целует мужа перед сном...

ВЕЧНЫЕ ВДОВЫ

В блестящих квартирах столицы,
Среди привозной новизны
Подчас забываются лица
Родных, не пришедших с войны.

Но там, где печурки да силос,
Еще не исчезли дома,
В которых война загостилась,
Сводя домочадцев с ума.

Там личико давней девчонки
И мужнин — на снимочках — взвод.
Там желтый листок похоронки
Упрятан в старинный комод.

Посмертные, злые медали,
И воздух — тяжелый на вид...
Каких сквозняков напускали,
А он, доразлучный, — стоит!

Там даже не в радость обновы:
В кругу размышлений одних
Не суетны
Вечные вдовы,
Платки темноваты на них.

И думаю я молчаливо,
Что женщины эти в платках
Надежней, чем полки архивов,
Историю держат в руках.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Мы были слишком пацаны,
Чтоб понимать смертей причины.
А погибали
От войны
Войну прошедшие мужчины.
Стонало дерево родства,
Я этот стон тревожный слышал!
Была прабабушка жива,
А из дедов
Никто не выжил.
Она, пригладив снег волос,
Пыталась нитку вдеть в иголку.
Вздыхая:
— Так уж повелось,
Что мужики живут недолго.

Мальчонка, тоненькая ветвь,
Я открывал глаза и уши,
Чтоб больше сметь,
Чтоб песню спеть
И чтоб традицию
нарушить...

Пятидесятые года,
Пора целинного запала.
Страна счастливая тогда
Прорехи скорбные латала.

Еще встречались кое-где
В полях,
Где хлебу колоситься,
Осколки в свежей борозде,
Как вдовьи гнутые ключицы.

Но отодвинулась война...
Слышнее стали птичьи трели...
Снимала ватники страна
И в сени прятала шинели.

А на одежде той
Следы
Свои эпоха оставляла —
От бабьей тягостной слезы
И злого вражьего металла...

Мы оглашали криком дом,
И тишиной тянуло с улиц,
Но все же нас война коснулась
Своим слабеющим крылом.

Глазами, круглыми от снов,
Качаясь в детских колыбелях,
Еще мы видели отцов
В седых,
Простреленных шинелях...

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Я на правом фланге. С краю.
Он — в кустах среди двора.
С мальчиком в войну играю,
Скоро кончится игра.
Спирт в моей армейской фляжке,
За спиной — “АК” торчит...
Ну а он —

из деревяшки
Вызывающе строчит!
Голова его, как мячик,
Негодует средь ветвей.
Что ты можешь, бедный мальчик,
С деревяшкою своей?
Ты запачкан школьным мелом,
Ты уходишь во вчера...
Я один на свете белом.
Вот и кончена игра.

* * *

На стрельбище трава примята,
Здесь пахнет гарью роковой.
Идут со стрельбища ребята,
Хрустят суровою кирзой.

И мне пришлось кирзы отведать.
Своя в обувке этой стать:
В ней можно спать,
В ней можно бегать,
В ней можно даже танцевать.

В ней можно все — была б охота!
И лишь забыть нельзя, солдат,
О том, что есть еще работа,
Где инструментом — автомат...

* * *

Я знаю склад армейской жизни,
Я помню воинский устав.
Его сухие афоризмы
Еще хранятся на устах.
И потому-то мне понятны
В суровой форме рядовых
Слова-запал, слова-гранаты
Поэтов наших фронтовых.
И потому мне, видно, дорог —
Без всяких там обиняков —
Сухой, готовый к взрыву, порох
В пороховницах их стихов.
Они, поэты фронтовые,
Под гул орудий и колес
Узнали то, что мне впервые
Узнать по книгам довелось...

* * *

В дорогах, по которым нас мотало,
Заучивалась нами наизусть,
Как азбука армейского устава,
Стальная и бревенчатая Русь.
Мы пили воду, мы галеты грызли,
Мы, проведя учебные бои,
В дымящиеся стреляные гильзы
Свистели, как под Курском соловьи.
И, как нигде, наверно, во вселенной,
Над нами звезды падали, ясны,
И девушки из маленьких селений
К нам иногда заглядывали в сны.
Почти тысячеверстный путь осия,
Мы шли в обход,
Но чаще — напрямик...
Уж если я скажу когда: "Россия",
То это слово будет не из книг!

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Рожали бабы и в войну,
Когда мужей свинцом косило...
И невинную вину
Молва по свету разносила.

Рожали бабы, как могли,
И были случаи нередки,
Что вынимали из петли
Их
Подоспевшие соседки.

Мешались чуждые кровя
С кровями Тулы и Рязани.
Но подрастали сыновья
С такими русскими глазами!

Быть может, этим и сильны
Мечи славян и их иконы,
Что незаконные сыны
Всегда для матери законны.

Нам важно было обороть
Врага и в жизни,
И в молитве...
И подымался дух на плоть,
И побеждал в нелегкой битве!

И пусть в иные времена
Иные битвы и скрижали, —
Все вынесет моя страна,
Вот только б женщины рожали.

ЖИТЬЕ-БЫТИЕ

Какая жизнь — такие песни...

I.

* * *

У стадиона, кладбища, тюрьмы,
У фабрик и больничных насаждений
Росли

войной не тронутые

мы,

Вникая в смысл серьезных заведений.

Широким плеском праздничных знамен
Притягивал нас в детстве стадион.

А в юности, еще ученики,
Мы встали за фабричные станки.

Нас задевало — как ни сторонись —
Тяжелое дыхание больниц.

Вот только —

дай мне, господи, ума! —

Судьбы моей не сгорбила тюрьма,
Да кладбище, вместившее века, —
Оно совсем не понято пока...

Пора путешествий настала...
У детства еще на краю
В задымленном центре Урала
С дорожной котомкой стою.

Зеленый, прямой и неслабый,
Такой и немножко сякой!
Мне шаг до улыбчивой славы
И два — до тюрьмы городской.

И три — до классической, ветхой
Суровой и тощей сумы...
...Ни то, ни другое, ни третье
И в тридцать не сбило судьбы.

Слепые могучие силы!
Я был в сантиметре от них,
Но что-то меня уводило
В последний решающий миг.

И это незримое что-то —
Прощайте, тюрьма и сума! —
Старинная, злая работа,
Работа души и ума...

ВЫРОС

Он весел был, не обращая
В разлуку долгую
Отъезд.
Три дряблых пальца
на прощанье
В пространстве вычертили крест.

У ветра был пьянящий запах.
Кружили птицы в высоте.
И север, юг, восток и запад
Соединили пальцы те.

Четыре стороны на свете!
Дорога к каждой — не проста...
Стоит парнишка на планете
В середине
Этого
Креста.

* * *

Дом родимый покидаю:
Независимость обрел...
Звонко денежку бросаю:
Что там — решка иль орел?

Коль орел, то мне маячит
Путь у левого плетня
К той, которая не плачет,
Но не может без меня...

Ну а решка выпадает,
То вдоль правого плетня
К той, которая рыдает
И не сможет без меня.

На ребро упала — ишь ты!
А из этого ребра
Вдруг жену не сотворишь ты:
Видит бог — не та пора...

* * *

Еду лихо. Ветер злющ.
Крикнул я ему сперва:
— Ты чего мне в душу дуешь,
Задуваешь в рукава?

Рядом с дряблыми стволами
Трех деревьев
Вопросил:
— Вы чего здесь повставали,
Ни проехать, ни пройти!

Оглянулся: ворон ветхий
Замер, крылья уроня.
— Ты чего сидишь на ветке,
Смотришь глазом на меня?

Тишина. И поле голо.
Только слышен храп коня.
Видно, фауна и флора
Рассердились на меня...

* * *

Я отдыхаю у скалы.
Для ностальгии нет причины.
И моря дряблые морщины
Мне непривычны, но милы.
И синевы крутой замес
В котле небесном, бирюзовом...
Все это надо бы занести
В блокнот рисунком или словом.
Но мой упрямый карандаш,
Не вынося покоя боле,
Рисует северный пейзаж
С вороной мокрой на заборе.

УБИЙСТВО

Меня убивали долго,
Выискивали, признаться...

Сначала убили волка,
Потом затравили зайца.
Загнали лису в болото,
И пуля прошила шкуру,
Потом хохотавший кто-то
Засунул ей в пасть окуроч.
Убили затем лосиху,
Зарезав ее лосенка.
Медведя нашли насили,
И таякали ружья звонко...

Меня убивали долго,
О, как меня убивали!

Качалась от взрыва лодка
И рыбы со дна всплывали.
А люди — тупые лица —
Делали, что хотели.
И падала наземь птица
С горячей дробинкой в теле.

И вот я убитый
С лютой
Тоскою в глазах, причем.
Брожу, как другие люди,
С двустволкою за плечом.

Подарили — и вот чудеса!
 То щегол засвистит, то синица...
 Как умеет на все голоса
 Распевать иностранная птица!

Я ей выдам за это еду.
 Доверяя отцовскому дому,
 По скрипучему полу пойду
 О таланте додумывать думу.

Припекло — не могло не припечь,
 Никакими ночами не спится!
 Половица умеет скрипеть
 Только так, как скрипит половица.

Но зато, если вдруг от тебя
 Будет родина верстами скрыта,
 Затоскуешь, родное любя,
 Занедужишь без этого скрипа...

САХАЛИНСКОЕ

Спирт маскируется под воду.
 И я доверчивой судьбой
 Хлебнул жестокую свободу,
 Не разведенную водой.
 Уже давно друзья пропали
 В цветах благополучных свадеб.
 А я все пьян от этой дали,
 Куда им некогда писать.
 Как и у них в столицах стольных,
 Есть у меня своя жена.
 Но пусто прежнее застолье...
 Свобода выпита до дна.

Не внемля благому рассудку,
Он встал на щербатый порог
И сунул в дорожную сумку
Отечества горький дымок,

И хлеб провожальных застолий,
И воду в сыром туеске,
И мудрую горсточку соли
В тугом материнском платке.

Прощайте! Прощения просит
Не блудный пока еще сын...
И вот его снегом заносит,
Дождем заливает косым.

И вот его держит путина
В седых просоленных сетях.
Известно, что блудного сына
За все прегрешенья — простят!

Он хлеб раздарил воробьишкам,
Водою
 он водку запил,
А солью, не мудрствуя слишком,
Далекий пролив подсолил.

Но стоит промолвить не все
Ему про щербатый порог,
Как тут же колышется в сумке
Отечества сладкий дымок...

Побродил, покалякал с народом,
Посмотрел, да себя показал...
Был веселым и малость голодным,
Но с причалом не путал вокзал.

Надышался простором России,
Тем, в котором поют соловьи,
До сих пор от пронзительной сини
Раздирает глаза изнутри.

И в одной из районных гостиниц,
Жизнь свою поделив пополам,
Половину ненужную вынес,
Как выносят на улицу хлам.

И, притихший, сидел за стаканом,
Словно Мышкин, прозревший на миг.
И метался над сборищем пьяным
То ли шепот его, то ли крик:

— Научите меня быть жестоким!
Добротой своей
Я не принес
Стольким близким
И встреченным стольким
Ничего, кроме горя и слез.

Научите быть сильным и лютым,
А иначе мне

невмоготу

Знать,
Что где-то
Кручинятся люди,
Осуждая мою доброту...

* * *

Я делал дальние набеги
В края поленниц и полей.
Певуче плакали телеги
Над бедной участью своей.

Худые, с ребрами наружу,
С оглоблей тяжелой на ремне,
Они выматывали душу,
Что где-то пряталась во мне.

А разум мой, как дед на свадьбе,
Хихикал, зная наперед,
Что на натруженном асфальте
Телега дня не проживет.

Ура прогрессу, в самом деле,
Чего стесняться новизны!
Телеги плакали и пели,
Но были все-таки нужны...

* * *

Что-то нового, нового хочется,
Новой дружбы, иного пути...
Захлестнула петля одиночества,
Просто некуда даже пойти!
Век ушедший душа не искала ведь,
Ей достаточно жить в новостях...
Уважаемый Федор Михайлович,
Я у вас засиделся в гостях!
Дверь открою — Москва запорошена,
Голубые снега на пути...
Целый век
Опрокинулся в прошлое,
Только некуда так же пойти!

* * *

У тихой речки с камышами
Молчу о бренности земной...
Я не в погоне за делами —
Дела гоняются за мной!
Я отдыхаю от погони,
Над малой речкою стою
И, наклонившись, из ладони
Речную пробую струю.
Я жил здесь маленьким когда-то,
Влезал на сено второпях,
И деревенские ребята
Его везли на лошадях.
Пускали парни клубы дыма,
И сено падало с возов...

Я знаю, что необходимо
Начать когда-нибудь с азов.
Вот с этой речки с камышами,
Где ласточка гнездо свила,
Вот с этой печки с малышами
В избе, что на краю села,
Вот с этой дали, с этой близи,
Вот с этой росной низины,
И с неохватной этой выси,
Какой глаза удивлены...

II.

* * *

Внедряя слово в ясные дела,
Пронизывала жизнь меня, как ветер.
Глядел в нее
Я не из-за угла
И потому немного заметил.

Но отразились отблески идей
И то, что любим и о чем мы ропщем,
В пределах жизни собственной моей,
Как в капле необъятной жизни общей.

* * *

Есть несколько сводных отцов у меня:
Один подковал мне в дорогу коня,
Другой проводил и сказал:
“Хорошо”.
А третий, нахмурившись,
Мимо прошел.

Есть несколько братьев, пускай не родных:
Слепая судьба погубила одних,
Другие — в дороге...
Нередко назад
Их взгляд обращается:
“Где же ты, брат?”

Сдвигаю за плечи котомку свою
И слышу, как плачет в родимом краю,
Судьбу о нечаянной встрече моля,
Одна-одинешенька
Мама моя...

ЗЕМЛЯ

Я знал ее,
Не глобус, не планету,
Не крашенные реки и моря,
Не некую абстрактную,
А эту,
Которую крошит рука моя.

Земля была хорошей, рыхловатой
Для тех, кто с ней по клумбам был знаком.
А я ее, проклятую, лопатой,
А я по ней, родимой, с посошком!

До дыр подошвы снашивал о камни,
Ну, а когда до ниточки промок,
Я из нее тащил кирзу руками,
Поскольку нет солдата без сапог.

Я по земле
Швырял армейский газик,
Сидел на ней у общего котла
И изменил ей, может, только разик —
Когда меж нами женщина была...

К земле я тихо прикасался ухом.
И знаю я, что друг мой в тишине
когда-нибудь
слова:

“Да будет пухом!...” —
О ней произнесет
И обо мне...

Этот мир, неоновый и ветхий,
Сладок был
И горек тоже был...
Я в себя вобрал его навеки:
Сделал вдох,
А выдохнуть — забыл.
И пока не кончен жизни свиток,
Буду жить, все сущее любя...
Смерти нет,
А есть горячий выдох
Лебединой песни из себя!

Под шапкой солнца
набекрень,
В пальто, подбитом облаками,
Упал, споткнувшись,
Зимний день
На вековые наши камни.
Проделал он немалый путь,
Поземка ноги обдувала,
И вот присел он отдохнуть
На горы
Хмурого Урала.
Стволы отбрасывали тень,
Им для того хватало света, —
Сидел угрюмо зимний день
И зябко ежился от ветра.
А ветер был из добряков,
Он поправлял ему устало
Лохмотья грязных облаков
На обмороженных суставах...

ИКОНА

В провинциальном божьем храме,
Там, где святой водички жбан,
Праматерь в золоченой раме
С холста глядит на прихожан.

Глаза зеленые навекат
И нимба светлое кольцо...
Ее писал художник Витька
Немножко в стиле Пикассо.

Она в волненье приводила
Собою душу не одну,
Но, между прочим, походила
На третью Витькину жену.

Я забегал в сию обитель,
Глядел на бледное чело
И Витьке, будто бы ценитель,
Кивал:— Причудливо зело...

И зрела в нас неторопливо
Какая-то с прошедшим связь...
Потом мы долго пили пиво,
На бок цистерны навалясь.

Медовый месяц шел у Витьки,
Он свадьбу с блеском закатил,
Поскольку за “глаза навекат”
Почти пять сотен отхватил.

И знать не знали люди в храме,
Вовсю крестясь на образа,
Какими грешными руками
Святые писаны глаза...

ХУДОЖНИК

Затемнив прилавками квартал,
Приютившись между тополями,
Рынок настроенье поднимал
Зеленью и мятыми рублями.

В довоенном грязном пиджаке,
Кое-как заштопанном снаружи,
От большой торговли вдалеке
Инвалид устроился тщедушный.

Он картины выставил на суд.
А точнее — просто для продажи:
Пастухи стада свои пасут,
И кричат от яркости пейзажи.

С явною усмешкой на губах
Мимо шли носители червонцев...
А у продавца на рукавах
Краска,
Затвердевшая на солнце.

— Может, что поглянется, сынок? —
Он спросил с надеждой и не сразу...
— А почему... вон тот вон... голубок? —
Медленно выкраиваю фразу.

Отвечает.
В трубочку скрутил
Мне свое творение калека...
Я бы даже сдачу позабыл,
Да легко обидеть человека!

Пусть траектория кривая
Не выпрямляется пока!

Орлам не трудно
в высях горных

Парить
Почти что весь свой век.
Так рыбы плавают в озерах,
Так ходит твердо
Человек.

А петуху, судите сами,
Характер надобно иметь,
Чтоб с неуклюжими крылами
Десяток метров пролететь...

* * *

Бродяга-пес, костяшек груды,
Из тех, что голодны всегда,
Что возникают ниоткуда
И исчезают в никуда.

А я сказал ему:
— Здорово!
Какой ни есть, а младший брат... —
А я купил ему в столовой
Дешевый полуфабрикат.

И мы с ним бегали по лужам,
Рыхлили рыжую листву...
Как важно быть на свете нужным
Хотя б такому существу!

ЖУК

Вот вернулся, и дверь на крючок,
Надоели пустые доклады...
У печи восседает жучок,
Как хозяин: мол, что тебе надо?

Я не то чтобы там ошалел,
Или был в неособенном духе,
Просто взял — и жука пожалел,
Разрешил ему шляться по кухне.

Флоры царь, да и фауны царь,
Я и сам, как жучок завалящий,
И безгласная божия тварь
Мне милее иной говорящей...

ЗЕМНАЯ ПЯДЬ

В краю, где сгорбились убого
Могилы всей моей родни,
Мне в ноги кинулась дорога:
— Родимый,
Мимо не пройди...

Я не прошел — спросил у ветра,
Что рыскал всюду без стыда:
— Где тут живет могила деда,
А ну, води меня туда!

Кресты шатались и скрипели,
Цеплялась за ноги трава,
И птицы темные летели
Сквозь негустые деревья.

И я, открыв хмельную флягу,
Присел на ту земную пядь,
В какую сам когда-то лягу,
Чтоб внука в гости поджидать...

ИЗБУШКИ

Я уехал в деревню,
Кляня
Суету своей жизни в столицах,
И встречали избушки меня
Со старушечьей святостью в лицах.

Доживая последние дни,
Обрастая травой весенней,
Как спокойно глядели они
На шаги двухэтажных строений!

У старух, восседающих близ,
Те избушки спокойствие взяли,
Что-то сходное
В облике изб
Было с обликом
Их же хозяек.

Перед тем, как навеки уйдут,
Все они пригибаются,
Вроде
Долгий-долгий поклон отдают
Жизни той,
Из которой уходят...

Среди раскатов гроз страшенных
С напевом капель на плетнях
Блаженны лица всех блаженных
В глухих российских деревнях.

В насквозь промоченной рубашке,
С облезлым крестиком, босой,
Стоит какой-нибудь Ивашка
Или Емелюшка какой.

Лицо его таит заботу,
В глазах его — небесный свет.
И вовсе он не близок богу,
Какого, может быть, и нет.

А просто с болью в гуле громком
Природа с сыном говорит.
И необласканным ребенком
Он перед матерью стоит.

Не пряча вечную улыбку,
Он с непосредственностью всей
Прощает страшную ошибку
Жестоккой матери своей.

Потом стучится в чьи-то сени,
Устав стоять как манекен,
Забыв про тайное прозреньё,
Что не замечено никем,

Чтоб петь и плакать при народе,
И мямлить что-нибудь свое,
Как обвинение природе
В слепой жестокости ее!

Увозят старые дома,
Сломав на бревна и осколки,
Как будто старые тома
В макулатуру с книжной полки.
Я не прошу их сохранить,
Став наблюдателем сторонним,
Я их прошу похоронить,
Как мы родных своих хороним.
Чтоб век спустя на месте том,
Где по осколкам бродит солнце,
Стояла надпись:
“Здесь был дом
В четыре солнечных оконца”.
И станет ясно пацану,
Что знает грамоту с пеленок,
Как жили прадеды в доме,
Внутри известкой побеленном.
Быть может, он поймет тогда
И ужаснется, не поверив,
Что мы спасались в холода
Телами мертвыми деревьев...

Не плачь о сломанной судьбе,
Отживший дом, роняя ставни,
Ведь лучший памятник тебе —
Жилище из стекла и стали.
Поленом в чьей-нибудь руке
Ты станешь и в огне растаешь,
И только где-то в уголке
Одно бревно свое оставишь.
Кому-то в будущем дано,
Держа пластмассовую спичку,
Прочесть трухлявое бревно,
Как пожелтевшую страничку...

* * *

Он у стены сидел устало
И слушал брань своей жены.
Спина прямая повторяла
Прямую линию
Стены.

Ну а когда он встал со стула,
Чтоб выйти в двери навсегда,
Была спина его сутула,
Как и во все его года.

А в доме том — уж так случилось —
Другой опоры не найдя,
Стена прямая покосилась
От ветра, снега и дождя.

Чего ей, деревянной, мало?
Вон и пылинки сметены...
А ей всего-то не хватало
Надежно сгорбленной спины.

* * *

Не дал батя промашки,
Мать была молодой:
Я родился в рубашке
Золотой-золотой...

Годы все изменили,
И любовь, и вражду.
К материнской могиле
Я седым прихожу.

Мама, милая мама,
С изначального дня

Ты одна понимала,
Понимала меня!

Ты теперь за порогом
Этой жизни земной,
В одеянии строгом
Наблюдаешь за мной.

Не волнуйся, родная,
Я живу и дышу,
И ни ада, ни рая
У судьбы не прошу.

Но все чаще мне тяжело
В ожидании конца —
Знать, истлела рубашка
Та, в какой родился.

Знать, закончились силы,
Завершились дела,
И ко краю могилы
Жизнь меня подвела.

Затяжными ночами
Я грущу об одном:
Что же там, за плечами,
Что же в сердце живом?

Ничего не осталось,
Ни любви, ни страны.
Только злая усталость
С ощущением вины.

На старинном погосте,
Где царит благодать,
Наши бранные кости
Будут рядом лежать.

На кладбище — темно и сыро,
Здесь нет печалей и тревог.
Среди рокошующего мира
Пустынен этот уголок.

Он не обжит ребячьим смехом,
Он суетой не заселен...
Лишь в тишину влетает эхо
На крыльях медленных ворон.

Там, за оградой, ветер стонет,
Гоняет листья по земле,
А здесь — покой в покое тонет
И мгла сгущается во мгле.

Сюда от бешеного ветра
Ушли, кто был когда-то жив,
Всю тяжесть сумрачного века
На наши плечи положив...

ВОРОН

В тихом омуте, в темной заводи
Черти водятся, рыбы плещутся.
Бродят шорохи, тают запахи,
Шевелят кусты злые лешие.

Уколю плечо хвойной веткою,
О грудную клетку сердце стукнется.
Ворон пепельный, птица ветхая,
Что еще в моей жизни сбудется?

БЕГЛЕЦ

Мечтая, видимо, разжиться
На документах (гриф “СС”),
Упрямый летчик, скрытый бес,
Метнул машину за границу.

Он отдалил себе расстрел...
А где-то в северной глубинке
Седой
Старик
Содрал со стен
Сыновьи солнечные снимки!

Он так казнил их каблуком
И рвал на части аж до пота,
Что и жена его тайком
Не может склеить эти фото...

БЕЛАЯ ПОЛЯНА

Я лесом шел, шатаюсь пьяно,
А был не пьян я — просто мне
Светила белая поляна
В морозной леса глубине.

Она светила издавека,
И знал я точно, что за ней
Лежит надежная дорога
Из двух ложбинок от саней.

Я продирался в лес вечерний
В снегу едва не по груди,
Но только белое свечение
Все время было впереди!

И горько думал я:
“А если
В наш век ученый и стальной
Былые лешие воскресли
И шутят шуточки со мной?

А если я, шагая рьяно,
Гигантский делаю вираж
И эта белая поляна —
Обман, видение, мираж?”

Я даже стих в испуге было,
Услышал даже волчий вой...
Но впереди она светила
Своей проклятой белизной!

И с той поры, куда ни гляну,
В любой земле, в любом краю
Я вижу белую поляну,
Недостижимую мою.

Она в любви, в работе, в слове...
Я бьюсь о быт до синяков,
Но потому еще не сломлен,
Что вижу свет
Ее снегов!

В горячих трубах ветер свищет лихо,
На крышах снег кончает свой полет...
А где-то за морями
Журавлиха
Своих детей уже не узнает.
Она печально шею выгибает,
Оглядывая спутников живых.
Случается, что птицы погибают
Над морем
В темных брызгах
Штормовых.
А те, что прилетают на рассвете
На реки этой солнечной земли,
Совсем уже не маленькие дети,
А взрослые, седые журавли.
Над камышами
Царственно и тихо
Летит, толкая воздух в два крыла,
И думает печально журавлиха
О родине, где матерью была...

50 ЛЕТ

(воспоминание о будущем)

Гляну в зеркало — рожато!
Черт — и тот перекрестится.
Полстолетия прожито,
А как будто полмесяца...
Стали дети — далекими,
А родители — близкими,
А ступеньки — высокими,
А скамеечки — низкими.

Стала память изменчива
Качеством и количеством:
Маяковский уменьшился,
Гумилев увеличился.
Стал посуточно бриться я —
Бес к ребру не привяжется...
Стала лучше милиция,
Или это так кажется?
Стала водочка горькою,
А улыбочка — мрачною,
Стало панцирной койкою
Ложе бывшее брачное.
Стали жены — послушными,
А подруги — фригидными,
А друзья — равнодушными,
А враги — безобидными.
Стали долгими проводы,
Ну а слезы — нелишними,
Стали мелкими поводы
Расплатиться наличными.
Стал талант мой — умением,
А незнание — знанием.
Был табак преступлением,
Стал теперь наказанием.
Полстолетия прожито,
Годы сделались бременем.
Ну куда уже строже-то,
Кто командует временем?
Жизнь плетется полосками:
За опалой — признание...

Это тройка рублевская
Провела заседание.
В пустоте межпланетия
Пошептались уверенно...
Дали мне полстолетия —
По заслугам, наверное.

Написано 10 апреля 1993 г. в день сорокалетия.

* * *

Не повторятся наши лица:
Деревья, тучи и вода —
Все в этом мире повторится,
А наши лица — никогда.
И вот мотаюсь я по свету,
Глотая сигаретный дым,
Чтобы потом, последним летом,
Себя представить
Молодым,
Чтобы сказать: я помню лица
Всех тех, с кем счастлив был я жить,
И тех, кто вдруг остановился
И дал мне спичек
Прикурить...

* * *

...И Бог спросил:
— Любил людей
В мороз и в зной, в слабе и в силе?
— Любил, конечно. Не злодей.
Но все ж меня
Сильней любили...

— А мир познал? — промолвил Бог,
Садясь на облако устало.
— Познал, конечно. Сколько мог.
Да только кажется, что мало...

— Ну что ж, тогда иди, живи,
Дели с любимым обед и ужин.
Учись у Мира и Любви, —
Ты мне пока еще не нужен...

*Не прощайте измен, не прощайте,
Если вы разучились любить...*

* * *

Я снова выдумаю девушку,
Привычки, волосы, жилье,
И вновь подумаю, что где уж там
Тебе, такой вот, до нее.

Скажу, что все былое
Выдуло,
Но вдруг пойму, пойму любя,
Что ничего-то я не выдумал,
А просто вспомнил про тебя.

* * *

Ну что ж... последний разговор.
Освобождение от смуты.
Крадется вечер, словно вор,
Крадя последние минуты.

Все заболело воровством,
В глазах людей таятся слезы,
И даже тополь,
Выгнув ствол,
За пазуху
Упрятал звезды.

Трамвай, взволнованно звеня,
Увозит тишь интеллигентно...
И ты уходишь от меня,
Моя, украденная кем-то.

Я завтра тоже меж людьми
Пройду отъявленно и пьяно,
Рецидивистом от любви
С угрюмым взглядом уркагана.

И буду врать на склоне дня
Какой-то девочке хорошей,
Что нет дорожке для меня
И даже не было дорожке...

И только как-нибудь
Потом,
Припоминая дни и даты,
Я вдруг подумаю о том,
Что все ж умел любить когда-то.

Мне станет больно от вранья
И от того, что день мой празден...
Но ты украдена,
И я,
Я тоже
Должен быть
Украден.

А я в этот дом неуклюжий
Зашел с ощущеньем вины,
И долго крутился твой ключик
За дверью с другой стороны.
— О господи! Ты! Но входи же!
Зарос бороною... Сутул...
Но тише, пожалуйста, тише —
Недавно сынишка уснул.
А мне... Мне сегодня не спится.
Мне страшно: вон тень на стене.
Какие-то странные птицы
Летают в тревожном окне.
Смотри... Но неясную руку
Я тронул своею рукой,
И все завертелось по кругу —
Стол, тени, мы сами с тобой...
Да где же мы раньше-то были?
Зима за окошком, зима...
И шепот:
— С ума посходили,
Мы все посходили с ума!
Мне кажется, — ты уже видел, —
Не птицы летают во мгле,
А души любовей убитых
На этой неумной земле.
Смотри...
Но неясную руку
Я тронул своею рукой
И поднял какую-то рюмку
За вечный в душе непокой.
...Пока мы хранили друг друга,
Всю ночь, заметая дома,
Металась над городом вьюга,
И птицы слетали с ума...

* * *

Я в последнем вагоне, в последнем купе
На последние деньги качу к Воркуте.
Вот качнуло вагон — и стаканы, звеня,
Кровяными глазами глядят на меня.

И девчонка наладила злые глаза —
Видно, в первой любви наследила кирза.

И старуха, что еле в вагоне видна,
Пьет не чай,
А горячее слово — война...

И державный старик,
Не знакомый с войной,
Входит,
Руки привычно держа за спиной...

От любви, от войны, от тюремной беды
Уведи-ка, судьба, да запутай следы.
Не догонит война,
И тюрьма не страшна,
Только злая любовь сторожит у окна...

* * *

Пахнет тухлой рыбой в Поронайске.
Я гуляю с Настей не спеша.
У нее глаза открыты настежь,
У меня захлопнута душа.
Ей веселья хочется и танцев,
Ну а мне — совсем наоборот...
Рота бритолобых новобранцев
О любви и верности поет.

У меня щетина “бритый лишний”,
Об нее, примчав издалека,
Грубый ветер юности и жизни
Ободрал костлявые бока.
А у Насти — пудра в сумке тесной.
Сигареты. Мопассан Ги де...
У нее от этой самой песни
Поцелуй заерзал на губе.
У меня фуфаечка протерта,
У меня в кармане ни гроша.
Как у новобранца гимнастерка —
наглухо
застегнута

Душа.

Но зато в моей угрюмой власти
Все вокруг запомнить на года.
Я люблю бывшее!

Ну а с Настей
Бог даст, не увижусь никогда...

* * *

А все идет не так, как надо,
Короче, драма налицо —
Жена неправильная
Надя
Носить стесняется кольцо.

Она и плечиком поводит,
И плачет, думая себе,
Что муж неправильный
Володя —
Ошибка в девичьей судьбе.

Боясь признаться в этом людям, —
Я был с тобою не знаком...

И все летело кувырком!
Деревья, горы и отели,
Снега и мягкие метели,
И солнце, будто снежный ком,
И молоко в твоём бидоне...
Я был с тобою не знаком,
А думал — вся как на ладони.

* * *

Спешу сказать необходимое,
Не шептанное и ночами,
Ведь покидают нас любимые
Глазами,
Голосом,
Молчаньем.
Уходят, если и повенчаны,
И если внешне
Рядом с нами...
Беру ладонь любимой женщины
И прикасаюсь к ней
Губами.
Во времена, быльем поросшие,
Вот так
Касались рук
У сгиба...

За все, плохое и хорошее,
Я говорю тебе:
— Спасибо.

Твой дом.
И прямо от порога,
От той калитки, где навес,
Моя вечерняя дорога
Уходит в темный-темный лес.

Костлявый зад большой телеги
Вдали теряется во мгле...
Летает птица в темном небе,
Проходит лошадь по земле.

А у обочины размытой,
Где грязь, и глина, и песок,
Стоит и гнется
Позабытый,
Чуть-чуть сутулый
Колосок.

Он одинок в холодном поле.
Над ним — холодная звезда.
И в холодеющем просторе
Стучат на стыках поезда.

Как уезжаю я навеки
Туда — за поле и за лес!
У птицы есть гнездо на ветке,
И есть у лошади навес.

А я сегодня весь из боли,
Я неприкаян и высок,
Как колосок несжатый в поле,
Несжатый в поле
Колосок...

* * *

Загустеет светило ночное,
Птицы клювы приладят к перу...
Свойство есть у души сволочное —
Расставаться с людьми на миру.

И тогда-то от глупой свободы,
От своих одиночеств и драм
Ты придешь по остаткам природы
К небольшим человеческим кострам.

За ухой, припорошенной дымом,
Ты почувствуешь — необходим,
И поймешь, что не хлебом единым,
И воспрянешь, что миром одним!

И забудешь ночную усталость,
Всех, с кем встретился, хмуро любя,
Даже ту, что за малую малость
Где-то там ненавидит тебя...

* * *

Охладели.
А почти не жили...
Может, год еще, а может — пять
Проскрипим, как старые пружины,
Те, что нашу мучают кровать.
Проскрипим...
Заржавленные чувства
Смажем свежим воздухом дорог.
Видно, никогда не научусь я
Жить шальному сердцу поперек.

* * *

Я стою у холодного моря,
Я один, как покинутый пес.
Это море, наверно, из горя,
Из крутых человеческих слез.

Набегают тайфуны с востока,
Все живое на море губя.
Как жестоко стихия жестока,
Но и ей далеко до тебя!

На песке умирает медуза...
Рядом с нею
На сером ветру
Вот он я — никому не обуза! —
Одинокой медузой умру...

Я пишу на песке откровенно,
Чтоб твои и мои имена
Зализала веселая пена,
Поглотила седая волна.

Чтобы наше недавнее горе
Вмиг отлив равнодушный унес
В небольшое соленое море
Из крутых человеческих слез.

* * *

Беде одной на свете скучно,
И, объявляясь у ворот,
Она, как будто так и нужно,
Другую
За руку ведет.

А у другой,
В одеждах темных
запутываясь на ходу,
За юбку держится детеныш,
Который вырастет
В Беду.

И будь готов принять как надо
Гостей из дальней стороны:
Дай первой
горстку самосада,
Второй же — шлепанцы жены.

А третьей, выведав про имя,
Дай все, чего та ни спроси...
Как чересчур гостеприимно
Встречают беды на Руси!

Смеются, головой кивают,
Упрямо тянутся к вину,
Покуда гости заменяют
Ушедших
Дочку и жену.

* * *

...От нашей свечки ночь в окне качается,
А за окном тайком ветра встречаются,
А за ветрами спит земля полночная,
А дальше звезды — крупные и сочные.
Они то славу шлют, а то проклятия
На землю, где ветра живут в объятиях,
Где трудно жить, зато легко отчаяться,
И где от свечки нашей ночь качается...

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Я — из города нервного гуда,
Я держать не умею косу.
На судьбу деревенского люда
Я невесело глазом кошу.

Непонятны мне клетки, ограды,
Злые псы, что цепями бренчат,
И воскресные эти парады
Возле клуба
Широких девчат.

Стоит раз потолкаться в пивнушке,
Обронить разговор о судьбе,
Как у каждой замшелой старушки
По сужденью уже о тебе.

Все-то знают!
Ответят — спроси лишь! —
Где я жил, на каком этаже,
И о том, что брожу по России,
Потому что я холост уже.

Загляжусь на красивую Любу,
Не успею и слова сказать —
А всему деревенскому люду
Тут же хочется свадьбу играть.

Лишь один этой свадьбы не хочет,
И, правило держа на весу,
Он умело и яростно точит
Будто нож, голубую косу.

У ворот, желваками играя,
Будет ждать он меня дотемна...
Эх, деревня!
Прабабка родная!
Кто сказал, что исчезла она?

Лишь один этой свадьбы не хочет,
И, правило держа на весу,
Он умело и яростно точит,
Будто нож, голубую косу.

У ворот, желваками играя,
Будет ждать он меня дотемна...
Эх, деревня!
Прабабка родная!
Кто сказал, что исчезла она?

* * *

Была деревня так тиха,
Что слышно, как вздыхают бани,
Как будто сдвинули меха
На утомившемся баяне.

А ведь недавно — боже мой! —
Я здесь гулял столичным фертом,
Еще весной, еще зимой,
Еще той осенью и летом.

И свадьба спешная моя
Под песню, спетую удало,
На отдаленные поля
Веселым эхом оседала.

Совсем недавно, в меру пьян,
Я так плясал под эти звуки!
Так щедро
 сыпался баян
В мои расставленные руки!

Теперь деревня так тиха,
Что слышно,
Как вздыхают бани.
И расползаются меха
На старом дедовском баяне...

* * *

Приехать раз в году хотя бы
В село
За тысячу дорог,
Где не улыбчивые бабы
Ответят хмуро на кивок.

Толкнуть тяжелую калитку
И, бросив сумку на скамью,
Увидеть девочку Иринку,
Кровинку малую мою.

Успеть задать
 два-три вопроса,
Отметить сходство и родство
И подержать за кончик носа
Ее шальное озорство.

Затем
Засунуть в сумку руку
И вместе с ворохом конфет

Извлечь на свет
 такую куклу,
Какой у Таньки даже нет!

Пока играет дочка,
Грустно
И виновато закурить,
И возле толстого арбуза
Блокнот дешевенький раскрыть.

Нарисовать арбуз и, может,
Дым,
Из трубы летящий вверх...
А что еще ты сделать сможешь,
Приезжий добрый человек?

* * *

— Было! Было! —
Женщина кричит, —
Боже мой, как я его любила! —
Ну а тот, кто спрашивал — молчит,
Он уже поверил в то,
 что — было.

Он отходит в сторону дверей.
А она — у стеночки застыла.
Ничего-то не было у ней,
Но сейчас ей хочется,
Чтоб было...

СТИХИ О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ НЕ УМЕЕТ ЛЮБИТЬ

Ей не надо плакать с непривычки,
Ей удел такой от бога дан:
Третий муж, нащупывая спички
Застегнул дорожный чемодан.

Может быть, четвертому навстречу
Он уедет в новое жильё...
Лучше даже есть в столовой гречу —
Только бы подальше от нее!

А она пластиночку заводит,
Подпевая Пьехе в унисон...
Как она на женщину
Походит
Юбкой, и походкой, и лицом.

На столе следы былой закуски.
Вот опять не сладилась семья.
Из души, как груди из-под блузки,
Выпирают маленькие “я”.

Вновь
Она загладила морщины
И глаза накрасила сине...
Не бросайте жен своих, мужчины —
Можете нарваться на нее!

* * *

— Гляди-ка, правит, как мужчина,
И обгоняет как, смотри! —
Летит красивая машина
С красивой женщиной внутри.

Глаза у женщины одеты
В ресниц тяжелое вранье,
И тонкий профиль сигареты
Приклеен к пальчикам ее.

И над дорожным захолустьем
Взметнулась пыль подобьем крыл.
И вспомнил я:
“Какой же русский...”
— Какая ж!.. —
Кто-то перебил.

Сказал, пошел своей дорогой,
Усмешку спрятав между скул.
Мне показалось — это Гоголь,
Страдая,
Фразу зачеркнул...

* * *

Средь распутных, продажных и мнимых
Видеть женщин, достойных семьи...
Гениальны стихи о любимых
Гениальных поэтов Земли!
И когда я упал на колени
Перед женщиной слабой одной,
О, какие
 великие тени
За моей возвышались спиной!
Будто,
Выправясь после увечья,
Как оживший солдат на войне,
Сострадая,
Душа человечья
Первый раз шевельнулась во мне...

Били ветры
 в лесные ветрила,
Были волки,
Уставшие выть...
Так она меня
Жить научила
И — задаром —
 свободу любить,

Что потом
В мешковатой рубахе,
Сквозь поповской молитвы нитье
Я шептал на разохшейся плахе
Полуночное имя ее...

ПОЗВОНИ МНЕ

В памяти
Разлука месит
Наши встречи, наши речи,
А разлуке нашей — месяц
И — вся жизнь до первой встречи.

Позвони мне хоть откуда,
Хоть от черта из Содома!
Ты живешь — за это чудо
Я прощу, что ты не дома.

Позвони мне этой ночью —
Я приеду на рассвете...
Слышишь? В комнате лопочут
Наши будущие дети.

ТАМАРКА

Качают мартовские лужи
Луны волнующий овал,
А я, хмельной и неуклюжий,
Тебя целую наповал!..

И эта ночь в начале марта,
Цыганкой в комнату войдя,
Тамара, Томочка, Тамарка,
Мне все расскажет про тебя.

Была ты грешной и святою,
И недоступной и простой,
Но не была ты под пятою
И не бывала под фатой.

И эта ночь в начале марта,
Вовсю монистами звеня,
Тамара, Томочка, Тамарка,
Тебе расскажет про меня.

Знавал и я огонь и воду,
Судьбою бит и в глаз и в бровь...
Как ни раскладывай колоду —
Все получается любовь.

А ты и ровня мне и пара —
Так наливай скорей вина!
Тамарка, Томочка, Тамара,
Ты будешь мне теперь жена.

Качают мартовские лужи
Луны волнующий овал,
А я, хмельной и неуклюжий,
Тебя целую наповал.

МАМА

У мамы взгляд - как сквозь очки,
У коих
Фантастична сила:
Тридцатилетнего почти
Она ребенком видит сына.

Когда в сомненьях голова,
Когда слова застыли льдиной,
То можно ей сказать слова,
Каких не вымолвишь любимой.

Виновный, я себя клянущу,
Но мама, как бы ни серчала,
Прощает взрослую вину,
Как в детстве шалости прощала...

И как ты там ни матерей -
Тебя доставит в детство снова
Уменье наших матерей
Глядеть как будто из былого.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

*Прощай, великая страна,
Ты мимо нас прошла...*

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ

Владимиру Владимировичу Семенчику

Когда кайлом вгрызался я
В края
Под низким этим небом,
Работа черная моя
Меня кормила белым хлебом.

От сытых булок тех времен,
От монопольного продукта
Был взгляд мой в небо устремлен,
Душа призывами продута.

Когда, сомнения тая,
Я в спешке изводил чернила,
Работа сладкая моя
Меня не очень-то кормила.

В определяющем году
Десятой нашей пятилетки
Сомнения были не в ходу —
Ну, как интимные таблетки.

Кругом пахали, скот пасли,
Росли гектары и надои,
И дачи тайные росли,
И кадры с гибкою спиною.

Районный чин тянул мотив,
Рожденный где-то там, далече,
Сусальной правдою покрыв
Свои блистательные речи.

А я до утренней зари
Понять того пытался чина.
Глотала опусы мои
Редакционная корзина.

Она, чиня свой произвол,
Учила племя молодое...
Иной опарою взошел
На тех призывах и надоях.

А у других судьба была,
Как тихий вызов поколенью:
От пролетарского кайла
К интеллигентскому сомнению...

Пока ты молод и не слеп —
Сотри с эпохи позолоту
И получи свой белый хлеб
В обмен на черную работу.

1986 г.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Вновь на Руси пора настала
Неумных поисков ферзя,
И вновь
Опальные вассалы
Идут в удельные князья.

К державе, скипетру иль митре, —
Лишь помаячит главный приз, —
Уж тянет руки
Лже-Дмитрий
Или какой-нибудь
Борис.

Он на коне въезжает в терем,
Указы крепит на столбе,
Чтоб самого его
Соперник
Чуть позже выбросил толпе.

Меняет челядь и посуду,
О шеи тупит топоры...
Народ безмолвствует покуда,
Но, как известно, до поры.

И лишь газетчики дерзают,
Вмиг перестроившись во тьме:
То крест ни криве лобызают,
То руки лживят на письме.

Лукавы
скипетр и держава,
И трон,
И глас на небеси...

Дотла сжигала эта слава
Безвестных выскочек Руси!

Лишь единиц спасло от праха
Желанье славы и добра
Под тяжкой шапкой Мономаха
Иль треуголочкой
Петра.

Лишь единицы живы присно,
Объединив не сгоряча
Екатерининские письма
С народной думой Ильича.

Легко в стране взлететь до неба,
Не обеспечиваясь в ней
Ни золотым запасом хлеба,
Ни прочным золотом
Идей.

Но только легче и скорее
(Тут всем по-разному везет)
Сломать раскормленную шею,
Упав с сияющих высот.

Вот почему
 следит с усмешкой
Народ, безмолвствуя, не зря
За новоявленную пешкой
На месте бывшего ферзя.

Я видел Ленина в гробу —
 Он лыс, как птица марабу...
 Но по прошествии времен
 Все так же дерзок
 И умен,
 Поскольку вся царева рать
 Не может Ленина убрать
 Ни с Красной площади, ни с той,
 Что кличут главной городской,
 Ни из души, ни из умов,
 Ни из бараков и домов,
 Ни со знамен, что с бахромой,
 Ни из Истории самой...

ПАМЯТЬ

— Разве можно Россию любить, —
 С огоньком меня бес вопрошает, —
 За ее неналаженный быт,
 За эстетику кваса да шанег,
 За ее девятнадцатый век,
 За начало двадцатого, если
 Революцию делал не верх,
 А низы, растерявшие песни?
 Даже гений — и тот не нашел
 Путь к добру без кнута и елея,
 Потому-то сменился престол
 Т о й трибуной его мавзолея.
 Шовинисты, державная прыть,
 Сотни черных кликуш
 Да Лубянка...

...Нынче модно Россию любить
У окошек швейцарского банка.

От монгольских набегов на Русь
До отечественного ГУЛАГа
Тяжек нашей истории груз,
Не выдерживает бумага.
Память помнит,
Она не умна,
Потому-то и дышит любовью,
Заплатив заблужденьям сполна
Русским словом и русской кровью.
Сколь веков эта память болит!
Вот и нынче
Лишь тот не ругаем,
Кто проворной телегой пылит,
Пока мы лошадей запрягаем...

Я рубаху отдал тебе, брат,
Я отдам и коня, и телегу.
Ты же хочешь и "Слово" забрать —
Как без прошлого
Человеку?
Вот на западе — мор да острог,
На востоке — острог да цунами...
Что ж, спасибо хотя бы за то,
Что история боли — за нами.
Что у этих прадедовских мук,
Где смешались и жертва, и ирод,
Не погреть ограждающих рук,
Прикипевшего сердца не вырвать...

Россия, небесные своды,
Родные мои соловьи!
За давний глоток несвободы
Отдам половину любви.

Другую отдам половину
За близость далеких морей,
За то, чтобы дочке и сыну
Не знать несвободы моей.

Но что-то тускнеют скрижали,
Туманна
 России судьба...

Не слишком ли сильно нажали,
Выдавливая раба,
Купив на чужую монету
Начало иного пути, —
Поскольку того, чего нету,
У нас невозможно найти...

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Побежали крысы с корабля
В те края, где есть свобода писка.
Там лежит
Желанная земля,
Там людей не мучает прописка.

Ну а здесь веселие идет,
Тают в трюмах тощие припасы.

Все на корабле наоборот:
Надо бы работать —
Точат лясы.

Рукава бы надо засучить,
Тайные пробоины заделать,
А потом
Усы в вине мочить
Да терзать гармонь для сытых девок.

Не бывает горя от ума —
Надо бы трезветь родному люду:
Вон уже распродана корма
За чужую липкую валюту.

Латана обшивка вкривь и вкось,
В днище течь
И мачты на изломе.
Да живут матросы на авось,
Мол, не то бывало в этом доме.

Но, когда надвинутся на мир
Волны небывалого потопа,
На борту прервет команда пир,
Чтобы днище дырявое заштопать.

Засмолит широкие борта,
Трюм набьет едой, наладит песни.
Боженьки седая борода
Весело качнется в поднебесье!

Капитан, бродяга, русский черт
В разудалом разинском угаре
Женщину возьмет к себе на борт
И по паре каждой новой твари...

УЕХАЛИ...

Смяв ковыли, обдув копры,
Промчались ветры грозовые,
И две соломинки живые
Вдруг отделились от копны.

И, ввысь взлетев, каким-то чудом
Держались долго над рекой.
Но что их ждет в стихии чуждой?
И жребий выпал им какой?

Их понесет поток смятенный,
Им плыть и плыть...
Лишь, может быть,
Кому-то в час его смертельный
На миг надежду подарить.

* * *

Когда страны шальная сила
Зовет — ты в думах о себе...
Вон для горбатого могила —
Как поворот в его судьбе!

Тебе ж не будет поворота,
Тебе нести свои грехи
Еще вон до того болота,
До той заплаканной ольхи,

До той издерганной осины
С петлей, истлевшей до конца,
Напоминанием о сыне,
Не знавшем духа и отца...

ПОХОРОНЫ ШАХТЕРА НА САХАЛИНЕ

Здесь места мало для усопших —
Жильем
Унизан сопок низ.
Кладбища здешние — на сопках,
Поближе к небу забрались.

Тропа, могила, вновь могила...
Не лягут в эту землю те,
Кто крепко держит судьбы мира
В неумолимом кулаке.

Для них — иной размах печали,
Иная скорбь, иной оркестр.
А тут — погорбились плечами,
Зарыли гроб, воткнули крест.

И вниз спустились — в тощих стенах
Испить вина за упокой.
На кой им ляд вранье в антеннах
И холод мрамора
На кой?

Он был, покойный, из рабочих,
Он не крутил земную ось,
И быть чуть-чуть повыше прочих
Ему при жизни
Не пришлось...

*12 ноября 1982 г.,
сообщение о смерти Брежнева.*

Я есмь дверь:
кто войдет Мною, тот спасется,
и войдет, и выйдет, и пажить найдет.
Евангелие от Иоанна, 10:9

Никогда я в бога не поверю,
Ведь не раз среди земных забот
Я уже стоял пред этой дверью
И меня не принял хмурый бог!

Мимо шли в дубленках и во фраках...
В эту дверь, раскрытую узко,
Пролезали даже в кадиллаках,
Как верблюды в угольное ушко.

Импортные кейсы, шубки куньи...
Боже мой, кого боготворю!
Вон, слугитель бога Глеб Якунин
Злым копытцем бьет по алтарю.

Президент стоит со свечкой лживой
И, устав бывшее обличать,
Лижет телерадиопечать
Зад его, натруженный и жирный.

Мне пропел веселый ветер мира,
Много перевидевший всего:
Это бог министра и банкира,
Только не народа твоего!

Что ж, пусть будет скатертью дорога:
Перед тем, как мне гореть в аду,
Я найду себе другого бога
Или никакого не найду!

УСТАЛЫЕ СТРОКИ

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

А. Пушкин

Вам есть, где жить, а нам — где умирать...

Ст. Куняев

Меньше века погибло с тех пор,
Как в ипатьевском доме, в подвале,
Расстреляли Россию в упор,
Нас — отцов и детей — расстреляли.
Вновь разбрызгана кровь по стене
Векового российского дома.
Нас так много, что нас почти нет —
Как Истории это знакомо!
Растворились в лесах да полях,
Затерялись на дальних путинах...
Чьи кресты на погостах болят,
Безутешные руки раскинув?
Это наши — отцов и детей,
И по ним-то, используя время,
Бродит в поисках новых затей,
Как тогда,
Энергичное племя.
Что ж, скупайте в усталом краю
Все, что можно, при помощи чека,
Мне ж оставьте суму да семью —
Долю русского
Человека.
Забирайте — доколь видит глаз! —
Рестораны, газеты, помосты,
Но погосты
Оставьте для нас —
Это все-таки наши погосты...

ВОЛЧИЦА

Я — волчица собачьей породы,
Не боюсь ни ружья, ни огня.
У колес человеческой подводы
Мои дети сосали меня.

Но пришли
Те, кого и не звали,
Но пришли — и разрушили дом,
Но пришли — и щенят растоптали,
И — хозяину
Горло
Ножом...

Пять ночей я щенят хоронила,
Но, как только последний затих,
Я протяжно, по-волчьи, завывала
И ушла от селений людских.

И однажды, на волчьем рассвете,
Я двуногих двоих
Нагнала.
Где лежат мои первые дети,
Там остались и эти тела.

Там остались собачьи повадки,
Песий брех и щенячий восторг...
К волчьей стае в далеком распадке
На закате привел меня волк.

И по вызову пролитой крови,
И по дикому зову своей
Волчьей стае глаза я открою
На слепые затеи людей.

РУКА РОССИИ

“Рука Москвы”...

Недавно это было —

Полмира припадало к той руке...

Теперь она беспала и дрожлива

С заморскою подачкой в кулаке.

Приклеилась, как лапка попугая,

К Останкинскому скипетру Руси...

Но, слава богу, есть рука другая —

Ты у народа нашего спроси.

И вмиг увидишь на руке России,

На карте той, где дали широки,

Уральских гор мозоли вековые

И вену

Волги-матушки реки.

И пальцы перебитые Сибири,

Чукотки и Камчатки дальний свет,

И Сахалин — отрезанный мизинец,

Как от японской мафии привет.

Рука России и во время оно

Держать умела силу в кулаке

И говорить с монголом и тевтоном

На им понятном ратном языке.

В ней память изб

И вечного барака,

В ней сила наших дедов и отцов.

Сожмет кулак —

И хрустнет, как баранка,

Столичное Садовое кольцо.

Московской клике властвовать недолго...

С улыбкою встречаю утро дня

Все потому, что есть Урал и Волга,

А значит, есть Россия у меня.

ГОЛОС

В пылу вселенского разора
Мне голос праведный
Внушал:
— Спаси хотя бы Русь от мора.
Хотя бы Волгу.
И Урал.

Хотя бы город с храмом древним,
Где юным отроком ходил,
Хотя бы отчую деревню
И горстку дедовских могил...

А не сумеешь — все едино
Умри,
И бог тебе судья,
Но огради хотя бы сына
От сладких снов небытия...

Потом с него, с былинки малой,
Вплетенной в ропот ковыля,
Как в давний век, —
в дали туманной
Начнется Русская земля!

ПРОЗАИЧНОЕ

*А нету времени на краткость -
Ищите циклы, господа!*

АНТИХРИСТ

Яузской бумажной мельницы работник Культыгин задумал сани с парусом, а у тех саней два крыла, и ездить они без лошади могут. Катался Ивашка на них на пустырях ночью. А Варваринской церкви поп Михайла донес в приказ тайных дел, что есть у Ивашки умысел, и, схватив, Ивашку пытали, и под пыткой он покаялся, что хотел выдумать еще телегу с крыльями, да не успел. Сани те сожгли, а Ивашку батогами нещадно били...

Из летописи XVII века

Появлялись те сани
Всегда
 по глубоким ночам,
И летали окрест,
Будто в сказке заморской Синдбада...

Говорили, что черт
В них стоял и кричал,
Хохоча,
Так кричал,
что по избам
Крестились
Пугливые бабы.

...Это все началось,
Когда
 тронутый, видно,
Мужик
На какую-то надобность
У уставщика
Гривенник занял.
Он в кабак не ходил,
Нелюдимо
Ни с кем не дружил, —
Из промерзших досок
Мастерил
Неуклюжие сани.

Из ремней, мешковины
Ладил парус
И прятал в лесу,
А ночами кричал,
Раскидавши рогожи
К тому же...
И брюхатая баба
Молилась
Иисусу Христу
И просила его
За своего
Непутного мужа.

И шептали в народе,
Что тут поперечить
Не след,
Коли черт одолел, —
Совладать с ним
Натужно и зряшно...
И донес на Ивашку
Какой-то бродяжка-пострел,
Колобком подкатившись
Под злую
Поповскую рясу.

В ту же светлую ночь
Подвыпивший
Посланный дьяк,
Позабыв, что подагрой —
Заморской болезнью болен,
Запихав бороденку
В трясущийся, жидкий кулак,
Изумленно глядел,
Как летали те сани
Над полем.

Безлошадные, быстрые,
Вдруг появляясь сквозь снег,
Так скользили они,
В пустоту запрокинув оглобли,
Что казалось:
Все это
В хмельном и сивухошном сне,
Хоть умри на ветру,
Хоть сейчас

от неверия

лопни!

И стоял на санях
Непутевый Ивашка-мужик,
Аки царь-государь,
Лихо выпялив жгучие очи...

...А наутро уже
Ребятишки,
 просыпавши жмых,
Жались мамкам в зипун,
К давкам
 сызмальства
Очень охочим.

При народе честном,
Руку леву
 держа на весу,
Здоровенный звонарь
Зачинал над Ивашкой
Глумиться...
И брюхатая баба
Молилась
 Иисусу Христу
И просила его,
Чтоб не выдал
Родного
Кормильца...

И не важно, какой
Это был
 захолустный уезд,
И не важно сейчас,
Какая была это
Волость,
Важно только,

Что крест,
На веревочке

маленький крест

Отлетел от груди
И Ивашке
Запутался
В волос.

Важно, что мужики,
Разговевшись

воскресным вином,

Злые речи кричали,
Притопывали ногами...

Расправлялась Россия
С антихристом
И колдуном
И нещадно секла

свое будущее

Батогами!

ДНИ РОЖДЕНИЙ

Никто не знает,
в какую эпоху он живет.

А. Ахматова

Год 1945

Мне было минус восемь лет,
Мой облик был еще неясен,
Еще стройтрест и горсовет
Моих не выстроили яслей.

Когда мне стало минус два,
И час любви отцовской пробил,
То мать наметила едва
В воображении мой профиль.

А на отметке нулевой,
Теперь уже такой неблизкой,
Был прерван крик бездомный мой
Тяжелой грудью материнской.

И понеслись мои года,
И замелькали лето, осень...
И все ж родился я тогда,
Когда мне было минус восемь.

Год 1953

Дул по России ветер шалый,
А у домашнего огня
Судьба

Рукой своей шершавой
Тихонько гладила меня.

Я бил ножонкой, будто плавал,
Смеялся я — моя ль вина?
А был в стране великий траур,
Каких не ведала она.

И видел я тогда едва ли,
Да и понятно, если нет,
Как черной ленточкой убрали
В углу
Известнейший портрет.

Потом уже из далей лютых,
Себе по-прежнему верны,
Пришли неведомые люди
Судить историю страны.

Не для сует и ложной славы,
А чтобы знала вся земля,
Чтоб не казались так кровавы
Слепые звездочки Кремля!

Ну а тогда
Была строною
Не понята ЕГО вина...
И я родился. И со мною
Рождалась новая страна!

Год 1986

Мне тридцать три.
Остап, Илья, Иисус:
В трех ипостасях —

жизней миллионы...

Я эти годы пробовал на вкус,
Я ощущал их странные законы.

Страну вожди беззубые вели
По пятилеткам.
Съезды — будто штампы.
Спились Иисусы. Верили Ильи.
И белозубо скалились Остапы.

А я лопатой землю ковырял,
Крутил баранку, рифмы плел в газету.
К граненой водке руку примерял
И просто так ходил по белу свету.

Трещали киловатты в проводах.
Тряслись телеги. Ухали мартены.
И оседали в жадных городах
Последние российские Матрены.

И всюду: “Перевыполнили план
По тоннам, по надоям, по гектарам!”
Граненый всенародный тот стакан
Все сложности проблем снимал не даром.

Двойную жизнь галерок и трибун
Нечетко эти грани разделяли...
Пусть нам расскажет будущий трибун,
Что мы приобрели,
Что потеряли!

Пусть на скрижалях будущих времен
Проставит год, страну в года смурные.
...Мне тридцать три.
Я заново рожден.
Оставим печь.

Зовут дела иные.

ДВОЙНИКИ

(триптих)

1.

Вошел я в дом
На многие похожий,
И, дверь открыв подаренным ключом,
Неяркий свет задумчивой прихожей
Я отодвинул медленно плечом.

Я был с тобой, веселый, беспощадный,
Но видел, будто зрением вторым,
Что где-то там, на лестничной площадке,
Стоит парнишка с профилем моим.

За дверью, что обита черной кожей,
Разглядывал он ручки и звонки...
Он — это я, сутулый и такой же,
Но так и не решившийся войти!

Он по площадке делал пируэты
И, на ступеньку сев, как на диван,
Закуривал плохие сигареты,
Которые зовут “Меридиан”.

С тобой мы в танце медленно кружили,
Мы говорили что-то о любви...
Я строчки декламировал чужие,
А он писал на лестнице свои.

Его любовь несмелую ценю я,
Но он о ней не скажет никому...
А я тебя целую и целую
И все-таки завидую ему!

За окнами поезда мир затемнен,
И стекла чуть-чуть запотели.
И кажется — рядом такой же вагон,
А в нем — наши бледные тени.

Вон, к толстому, в каплях, окошку приник,
Качаясь на полочке зыбкой,
Мой милый, мой умный, мой давний двойник
С моей ироничной улыбкой.

Он весел. Он скалит в усмешечке рот.
И галстук на шее, как вымпел.
Он длинный кефир из бутылочки пьет,
А я еще водку не выпил.

Он в высшей партийной, сдавая зачет,
Мне люмпенский орден навесил...
И весел его депутатский значок,
А мой институтский — невесел.

В окошко ему авторучкой стучу:
Мол, встретиться надо с тобою!
Две разные судьбы наши хочу
Я сделать одною судьбою.

На станции тихой объявлен подъем
Для тех, кто в одном человеке.
Мы к тамбуру, чуть пригибаясь идем
Затем, чтобы слиться навеки.

Идем, как ходили воры на правож,
И каждый — в своем вагоне.
Я дверь открываю: врывается дождь,
И нет никого на перроне...

Однажды в поисках ночлега,
В час полуночный бытия,
Я встретил душу человека
И вздрогнул —
Господи, моя!

Хоть души вместе с этим светом
Теряют только мертвецы —
Моя душа, по всем приметам,
Я вижу тайные рубцы!

Дрожа, она смотрела молча,
Владельца бывшего виня...
Когда, какой проклятой ночью
Душа оставила меня?

Я вспомнил драки и бордели,
По лицам вспомнил, по словам...
И те казенные портфели,
Перед какими пасовал.

Я маму вспомнил, вспомнил дочку —
Мы все в разлуке непростой...
Трусливую я вспомнил точку,
Что ставил вместо запятой.

И все просчеты и пробелы,
Примчав сюда издалека,
Нашли меня на свете белом,
Как кредиторы должника.

Пора расплачиваться, что ли,
За каждый день и каждый час,

Что прожит без любви и боли, —
А чем расплатишься сейчас?

В зажженных окнах целовались...
Но, мысли тайные тая,
Душа и тело не сливались
В час полуночный бытия.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

о постсоциалистической действительности,
как последствию претворения в жизнь
передового учения Карла Маркса,
пришедшие на ум электрику Петрову
в пивном ресторанчике

Добив неделю трудовую,
Устав от жизни заводской,
Иду в знакомую пивную
Бороться с русскою тоской.

Сажусь за столик.
Жду конфуза.
Советский люмпен-гражданин.
Подайте члену профсоюза
Ему положенный графин!

Не подают. Не глядят взглядом. Сиди, мол,
тихо за столом с неконвертируемым, мятым,
так называемым рублем. Твои права —
отсель доседа, точнее — нету никаких. А мы
пока обслужим шведа — вон он в дверях уже
возник!...

Мышленья нового реальность,
Границ, открытых сгоряча,
В пивную входит иностранец
С подружкой русской у плеча.

Моя мечта — его подружка,
Ночная девочка Руси...
Что ж, выпью с горя.
Где же кружка?
Официантка, принеси!

Она не слышит.
Носит мимо
Графин, и рыбу, и икру:
Страна к чужим гостеприимна,
Здесь только я не ко двору.

Сижу угрюмый и усталый,
Ножом по скатерти вожу,
Как швед, побитый под Полтавой,
На шведа шведского
Гляжу.

Ведь мы их били, как хотели,
С Петром Великим у руля,
Аж перья
 в Турцию
 летели
С помятой шляпы короля!

Когда они какао пили,
Пуская трубками дымы,
Мы вдовым тельником укрыли
Их от коричневой чумы...

Теперь у них в стокгольмах этих ну вовсе нет
голодных масс, лишь одного нашли в маркете, -
и тот туристом был от нас... В риксдаге ихнем
мало прений: отлажен рынок как часы: там
только Нобелевских премий - как на прилавках
колбасы. И все ж, обед осилив плотный, крутя
баранку “жигулей”, все плачет шведский
безработный над бедной участью своей...

Туда не в жизнь я не поеду,
Но и оставшись, все равно
отсель
грозить

Не буду шведу
В Европу закрывать окно!

Ведь этот швед
В костюме гранда
С парижской зеленью очков
Приехал нас учить, как надо
Доить коров,
Растить бычков.

Вот он под ручку с модной Лизой,
С веселой думой обо мне
Бредет,
Как призрак коммунизма
В отдельно взятой
Соцстране.

Стране угля, лесов, металла,
Очередей, казарм, могил...
Великий автор “Капитала”,
Ты что-то там перемудрил!

А, может быть, мудрили позже, бородку заменив на ус, когда мы в гимне слово “Боже...” вдруг поменяли на “Союз...”? Или потом, когда до корки был “Краткий курс” зачитан вновь и жил народ по поговорке: чем дальше в лес - тем больше бровь?

Теперь вот снова заварушка.
Немало было на Руси
Экспериментов...
Где же кружка?
Официантка, принеси!

Она глазами шведа ищет,
Буржуйски дергая плечом,
А то, что здесь его могильщик -
Не замечает нипочем.

...Уйду домой на хлеб и воду.
Пусть снова НЭП,
Ну что с того?
Зато к семнадцатому году
Мы разберемся, кто кого!

НАБЛЮДЕНИЕ

Вот вам разрез двух этажей
Провинциального Совета:
Вахтер с ключами у дверей,
Подсобка возле туалета.

Небрежно брошенный портрет
Бровями двигает от пыли:

На нем награды пятой нет,
Пририсовать тогда забыли:

Вот зал. Трибуна. Три часа
(И даже больше, коль попросят)
С нее все те же голоса
Иные речи произносят.

Здесь — статотдел. Подсчет сырья.
А рядом, в это же мгновенье —
Распределение жилья
Под плач и крики населения:

Архитектура, землемер
И управление агропрома
Принятье всевозможных мер
Проводит с ведома горкома.

Но честно трудятся и тут,
Хоть есть общественное мнение
Что пропадет их скорбный труд
И дум глубокое старенье.

Второй этаж. Машинок стук
И мерный рокот ротапринта.
Здесь кресла заменяют стул,
Дверь в кабинет всегда закрыта.

Там — бюрократ. Он ночь не спал.
С аварии приехал в пятом.
Когда разруха и развал —
Невольно станешь бюрократом.

Он молча сладкий кофе пьет,
Он о былом грустит немножко:

В двух кабинетах смотрят в рот
И лишь в одном — глядят в окошко.

А за окном — встает заря,
Там с опозданием, но светает,
И над Советом не зазря
Флаг красно-синий полыхает.

Шум перестройки бьет в окно
И, корчась в такт ее движениям,
Страдает общество одно
С лица непьющим выраженьем.

И СМЕХ НЕ ГРЕХ

Когда голодных пруд пруди —
Не юмор нужен, а сатира...

МЕШОК КАРТОШКИ

Не укради!
Ветхий Завет;
Моральный Кодекс строителя коммунизма

Горько плачет, глядя на ночь,
С безработною женой
Иванов Иван Иванович,
Грузчик базы овощной.

По одежке тянет ножки
Без особенных затей:
Вынес он мешок картошки —
Накормить своих детей,

Да попался на рассвете...
Целый день его трясли...
Обессиленные дети
Спать голодными легли.

Коль зарплаты нет полгода,
То свобода — не любя.
Пропaday же ты, свобода,
За казенные хлеба!

Сколько суд там припаяет,
Три ли, пять ли — все одно...
Только видит он:
Светает,
Смотрит боженька в окно.

С бородою Карла Маркса
Бог глядит, бросая в дрожь:
— Ты чего-то, сын, зарвался,
Так-то заповедь блюдешь?

Погляди:
Неспешно вышел
Президент в Колонный зал...
Ты хоть раз, хоть мельком, слышал
Чтобы он картошку крал?

Чтобы крал картошку спикер,
Губернатор иль банкир?
Знать о том не знает
Питер,
И Москва,
И целый мир.

Мне угодны эти люди:
Ладно-складно говорят,

Храмы строят, церковь любят
И со свечками стоят.

Не возьмут и хлеба крошку,
В божьей святости живут...
Не крадут они картошку,
Только изредка жуют.

Ну а ты виновен, сыне,
Отсиди свои года —
От тебя по всей России
Поголовная беда.

Не даешь ты жить как надо
Лучшим гражданам страны,
И тебе подобье ада
на земле
создать
Должны.

Ну, а как протянешь ножки —
В ад направишься опять:
Будешь там мешки картошки
На спине своей таскать.

А пока зимой и летом
Колыму погрей хребтом.
Прощевай на свете этом,
До свидания
На том...

И исчез.

...За третьим годом
Год четвертый настает.

Иванов сидит с народом
Там, где должен быть народ.

Не зарплатой, так заплатой
Обновил свою суму,
И мешок картошки клятой
Вспоминается ему.

Ну какого черта ради,
Видно, не дал бог ума,
Это ж надо — так ограбил
Государства закрома!

Хлеб казенный не жуется,
Мысли горько-солоны:
Трудно им теперь живется
Президентам всей страны!

И другим достойным людям:
Мэрам, судьям, спикерам,
Кто в народе совесть будит
По утрам и вечерам.

Ведь они в каком-то роде
Совесть, ум и даже честь —
Все пекутся о народе,
Забывая спать и есть.

Вон шахтеры возбужают,
Потеряли, видно, стыд,—
Президент грызет сухарик
И, конечно же, не спит.

Вон учитель митингует,
Сам себе устроил мор,—

Президент в волнении курит
Ленинградский “Беломор”.

О любви к стране недаром
Бессловесно говорят
Щеки умные Гайдара
И Чубайса честный взгляд.

С вечной думой о народе,
Изнуряемый постом,
Мелко крестится Мавроди
Католическим крестом.

Нищей мышкою церковки,
Всем голодным друг и брат,
У березок Березовский
Подберезовику рад.

Кто ж из них земли спаситель,
Кто прикроет нас плечом?
Вы у Лившица спросите,-
Он ответит, что почему...

Так сидел и думал сутки
Без еды, питья и снов
Государственный преступник
Заклученный Иванов.

Жизнь он прожил, как попало,
Даже раз картошку крал...
Не читал он “Капитала”,
В руки Библию не брал.

Но сидел четыре года,
Всеми ветрами продут,

Раз уж выкрал у народа
Стратегический продукт.

И теперь бедняге тошно,
Хоть молчи, хоть голоси:
Подорвала та картошка
Экономику Руси!

ПОЧТИ ПЛАГИАТ

* * *

Борис, вы — Цезарь!
Это круто —
Разъять страну за пару дней...
Я вас люблю любовью Брута,
А, может быть, еще сильнее.

* * *

А здесь, где врут напропалую
Печать и телеголоса,
Одна война сменить другую
Спешит, дав мира полчас.

* * *

На берегу пустынных волн
Стоял он, сумм великих полн.

* * *

— Все куплю! — сказала Злато.
— Все возьму! — сказал Булат.
Сговорились, и на брата
Взяли по сто пятьдесят.

* * *

Вы ушли, как говорится, в мир иной...
Отчего ж не подписали обходной?

* * *

Вы помните, вы все, конечно, помните! —
Свидетелю кричали в темной комнате.

* * *

Я жил в столице осторожно
И светских дам считал за дрянь:
В одну упряжку впрячь не можно
Коня и трипперную лань.

* * *

Нам СПИД ниспослан за пороки,
За новоявленный Содом:
Белеет фаллос одинокий
В тумане морга голубом...

* * *

И Фауст сгнил, и Бог живет напрасно.
Местами поменялись рай и ад...
Остановись, мгновенье! Ты — ужасно.
Дай разглядеть, кто в этом виноват.

Шоу-бизнес

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна...

СТРОФЫ

* * *

Пригрелся юмор на груди
У тех, кто держит судьбы мира.
Когда голодных пруд пруди —
Не юмор нужен, а сатира.

* * *

Уйду я в баню в этой жизни
От негодующей страны,
Ведь в бане, как в социализме,
Все не одеты и равны.

* * *

Тяжел для тела и для духа
Проезд в общественном авто:
По сути, та же групповуха,
Но только стоя
И в пальто.

* * *

Опять физическое тело
Кричит “тону!” с открытым ртом...
Всегда вначале было дело,
А слово вызрело потом.

* * *

Это Родина, братцы!
Будь ты князь или грязь —
Для того, чтоб подняться,
Надо прежде упасть...

* * *

Россия, вещая судьба,
Души и разума усердство:
Крест начинается у лба,
Ну а кончается
У сердца.

* * *

Эх, Россия ты Россия,
Дали безразмерные!
Кому звезды золотые,
А кому — фанерные...

* * *

И был ругаем
Лермонтов Мишель,
И был свергаем
Пушкин беспрестанно...
Двух станов не боец — всегда мишень
И для того,
И для другого стана.

* * *

Пестель, Герцен, Ленин, Ельцин,
Новых русских дни скандальные,
Новый Пестель, новый Герцен,
Новый Ленин

и так далее...

* * *

В тоннеле свет...
Какой там свет? Ни зги!
Конец 80-х был в России...
Тогда нам с ходу вышибли мозги,
А новых мы пока не нарастили.

* * *

Горит экран. Потоки слов.
Сванидзе. Познер. Киселев.
И рано днем, и ночью поздно —
Сванидзе, Киселев и Познер.
И не пойму я одного:
Свобода слова — для кого?

* * *

Рубцова нет. Талькова нет.
И Прасолова тоже нет.
А тот, кто больше чем поэт —
Давно в России не поэт.

* * *

На Брайтон-Бич спросили Гогу:
— Как там живет СССР?
— Свобода слова, слава Богу,
Но все слова без буквы “р”...

* * *

Страна живет заемной славой,
Сограждан падалью губя.
И не случайно
Гриф двуглавый
Сам отвернулся
от себя.

* * *

Рискуя быть немножечко побитым,
С сородичами чувствую разрыв:
Они ленивы и нелюбопытны,
А я нелюбопытен,
Но ленив.

* * *

Свобода слова...Телезнять
Лишь об одной свободе плачет —
Чтоб руку барскую лизать
За пару долларовых пачек.

* * *

Жизнь не жизнь, а сплошной обман.
За стихи

 не дождешься плату...
Встаньте в очередь, графоман,
Пусть талант проходит по блату!

* * *

Я на тревожном рубеже,
Когда права качает разум,
Когда не каждая уже
Фотографируется глазом.

* * *

Необъяснимо молодость любя
И неуклюже к жизни
 прикасаясь,
В красавицах я видел лишь тебя,
Теперь —
В тебе я вижу всех красавиц.

* * *

В Биробиджане керосиню,
Кричу в картавящий экран:
Верните мне мою Россию,
Возьмите свой Биробиджан!

Гарант в Мавзолее

— Ты шта-а, живой?—

Спросил Борис и стих.

На что сказал Ильич с усмешкой твердой:

— Я и теперь живее всех живых,

А вы, мой друг, живее только мертвых.

Выбор

Вот деньги — древняя тщета,

Вот правда — зряшная затея:

Американская мечта

И чисто русская идея.

Меж этой, лучшей из идей,

И молю траченной мечтою

Мятется бедный иудей,

Тряся мошною золотою...

ИЗ ЦИКЛА “БОЖЬИ ТВАРИ”

КОМАРЫ

Комар людей кусает честно,
Без экивоков и стеснения,
Зато и гибнет, как известно,
Всегда на месте преступления.

А есть бескрылые тварюги,
Кого возмездье не касается:
Живут, имеют ноги, руки,
И все кусаются, кусаются...

ЖИРАФ

Я жил, стараясь в меру сил
Работать в благородном поте:
Глаза начальнику открыл
На упущения в работе.

А он меня за пару дней
Уволил без суда и штрафа...
Жираф большой, ему видней,
Но все ль доходит до жирафа?

ПАУКИ В БАНКЕ

В ту банку душную
Вчера
Попала вольная пчела.

Хотя она имела яд,
Но было ясно, что — съедят.

И съели.
Раз и навсегда.
И не оставили следа.
Потом сползли привычно вниз
И друг за друга принялись.

СВИНЬЯ

В сарае хрюкала свинья.
Была и у свиньи семья.
Но ей не нравился тот хряк,
С каким она вступила в брак.
Она визжала...
Оттого
Пришли и увели его.
Теперь раздолье для свиньи:
По-свински счета сведены.

РЫБА

Хвостом, беспомощная, била
И разводила плавники —
Я рыбу вынул из реки,
Она мне что-то говорила...

Кого чужая боль колышет?
Вот я и хану, и царю
Все время что-то говорю,
А ни хрена никто не слышит...

ГАМАДРИЛ

В Кремле зверинец основался,
Там хор приматов бесновался,
А самый главный гамадрил
Уже под стол песком ходил.

Хотя и болен был, и пьян
Наш всенародный павиан,
Но отмечался раз в году
Словами:
— Так шта-а... Не уйду!

СИАМСКАЯ КОШКА

Сиамская кошка
Обид не прощает,
Пусть даже всем домом
Ее улещают,
И гладят по шерстке,
И долят,
И холят,
Пусть даже пред нею
На цыпочках ходят.
Устроюсь на вашем
На согнутом локте
Она выпускает
Звериные когти...
И я б не затронул
Вопрос этот дамский,
Когда бы котом
Оказался
Сиамским.

ЦЫПА

Бродит цыпа, вниз глядит,
Небольшая курочка.
Хорошо на ней сидит
Беленькая курточка.

И обуты ножки две,
Как на фотоснимочке,
На зеленой на траве
В желтые ботиночки.

Цыпа весело клюет:
Хороша посыпочка!
Как ей, беленькой, идет
Красная косыночка!

Все.
А дальше был горшок.
Ложечки старинные.
Пара ножек. Гребешок.
И мозги куриные...

ТВОРИМ, БРАТЦЫ

Ищи, художник, не портрет,
А время и судьбу...

ДОБРОТА

“Прекрасное рождает доброту...”
О, как умны
Сердца
Великих мира!
Быть может, кто-то каялся в аду,
Когда звучала пушкинская лира.

У доброты с искусством
Зрима связь,
Без доброты — не сложишь даже зданья.
Она тогда, наверно, родилась,
Когда еще
Ей не было названья.

Когда, охотясь из последних сил
И увидав оленя бег вечерний,
Наш узколобый предок опустил
Свое копье
В неведомом смущении...

СКУЛЬПТОР

Какой там бог, когда иначе,
Взяв исторический разбег,
От бед — грустя,
От боли — плача,
Стал человеком человек.
Не бог, а он,
Копье откинув,
Пустое оглядел жилье
И взял, и вылепил из глины,
Шутя, подобие свое.
Снабдил подобие руками
И неуклюжей головой,
И посадил его на камень
В углу пещеры родовой.
И чтобы есть могло почаще
Его подобье,
Человек
Из пня большого сделал чашу,
Обмазав глиною поверх.
И разве знал он, скульптор древний,
Что люди в жертвенный сосуд
Всей первобытную деревней
Животных мертвых понесут.
И будут плакать и молиться,
Забыв и не желая знать,
Что скульптор их простые лица
Сумел в подобье передать.
И сам он в гуле песнопений,
В обрядных танцах вслед за ним
Исколет галькою колени
Перед созданием своим...

Уходит веселое время
И видится жизнь без прикрас...
Давно ли мы были не теми,
Какими вы знаете нас!

Читали стихи торопливо
И кружки держали в руках,
И так же, как пенилось пиво,
Так пенились чувства в стихах.

Душа, будто кружка, не боле,
В ней было веселье одно...
Но мудрые капельки соли
Уже оседали на дно.

И вот оно — утро похмелья!
Горланят вовсю петухи...
Исчезло бывшее веселье,
И чуть поостыли стихи.

И стали свиданья пореже.
Убавилась тяга к вину.
Кого-то супруга манежит,
И кто-то манежит жену.

А зрелость — все ближе и ближе...
И я повиниться хочу:
Кумир мой
Становится ниже —
Хоть хлопай его по плечу!

Но как бы там ни было,
Вроде

Мы живы
Для смеха и слез...

Веселое время уходит.
Приходит работа всерьез.

МУЗА

В этой фазе вращения Земли,
На полночных долготах планеты
Бизнесмены считают рубли
И скрипят авторучки поэтов.

Где-то поздний трамвай голосит,
Приседают колеса на стыках.
Тихо-тихо любимая спит —
Ну и снов ей хороших и тихих!

Спит береза в морозном окне,
Спит, печалю израненным телом....
Каждой ночью приходит ко мне
Невеселая девочка в белом.

И в нехитрой своей красоте
Мне она не печаль, не обуза,
Состоящая в дальнем родстве
С музой Блока и пушкинской музой.

Я пишу, что трамвай голосит,
Что береза стоит оробело...
И всю ночь у окошка сидит
Невеселая девочка в белом.

Был Пушкин.
 Лирой голосистой
 Сердца людские покори́л...
 Но лес поэзии российской
 Намного раньше
 Зелен был!

И был бы он, густой и пряный,
 Подобен малому леску,
 Когда б не отрок тот упрямый,
 С обозом въехавший в Москву.

Когда б не он,
 Вернувший снова
 Строке
 обыденную речь...
 Когда б не трепетное “Слово”,
 Что чудом удалось сберечь!

И быть бы лесу чуть редее
 И суше быть, наверняка,
 Когда б не странная затея —
 Петь на морозе — ямщика...

А Пушкин —
 Он на то и Пушкин,
 Был так величьем осиян,
 Что этот лес назвали пущей,
 Могучим бором россиян.

Я знать не знаю, как там пишут
Поэты — жители столиц.
А я писал на глине рыжей
И на брезенте рукавиц.

Прораб сердился, но не часто,
Он был добрейший человек...
Иное выросло начальство,
Ведь это вам не прошлый век!

Когда,
 бездомный и нестрогий,
Я брел себе по городам,
Строфа, как друг четвероногий,
За мной бежала по пятам.

Ну а порой, — такое дело! —
Халатик комкая в ночи,
Ревниво женщина глядела
На пламя низенькой свечи.

Пора б уже подбить итоги,
Свести раздумия с лица,
А я по-прежнему в дороге.
Ей нет конца...

Пишу о том, что знаю сам,
Что щупал этой вот рукою.
Все потому, что сам с усам,
Учен, и всякое такое.

Да и живу почти “на ять”!
Мне ни к чему, скорбя в сторонке,
Чужие судьбы примерять,
Как пиджаки в комиссионке.

Своей судьбой прикрыл бока,
Скроив ее не без ошибок.
Она пестра чуть-чуть пока,
Зато без плечиков фальшивых!

Вот потому-то, потому
Сужу стихи свои сурово:
Все ближе сердцу и уму
Никем не сказанное слово...

ВАН ГОГ НАЧИНАЕТСЯ

...Горный мел.
В нем цвет и глубина.
В нем тепло земли и холод неба.
Что там ваши нежные тона,
Если жизнь черства, как корка хлеба!
Горный мел на гипсовых богинь
Я не тратил и не стану тратить.
Лучше уж
На потаскух нагих,
На картофель

Их нехитрых трапез.
Вы крестьянский видели обед?
Лица из угля, а не из ваты!
Гипсовых людей на свете нет,
А живые люди — грубоваты.
В этих людях — тоже красота,
Надо, чтоб они узнали это...

На квадрате серого листа
Происходит таинство портрета.
Этой же рукой, которой он
Набросал крестьянку на листочке,
Некогда изящный Аполлон
Был разбит на мелкие кусочки...

СТИХИ

А там, в Москве, в пучине мрака,
В шинели он смотрел на свет,
Не понимавший Пастернака
Суровый жесткий человек.

Наум Коржавин

В разбухарившихся газетах,
В журналах, руганных зело,
Стихи неизданных поэтов
К нам проступают тяжело.

Они похожи на паяца,
Который тем и знаменит,
Что как-то раз не убоялся
Царя в убийстве обвинить.

От их надтреснутого слова
Не защищали до конца
Ни кунья шуба Годунова,
Ни френч недавнего “отца”.

Они верны другим заветам
И не меняют образа,
Как эти смелые газеты,
Что смотрят преданно в глаза...

1986 г.

* * *

Оплотом сирых поколений,
Все начинающих с нуля.
Лежат поля российской лени —
Какая грустная земля!

От Куликова и Полтавы
До Курска, кости оголя,
Лежат поля российской славы —
Какая горькая земля!

И в этой мгле противоречий
Все ж единятся дух и плоть
Одной-единственной речью,
Какую выдумал Господь.

В междоусобьях меж собою
Мянутся русские умы
С одной-единственной судьбою,
Что от тюрьмы и до сумы...

Стучат соседние века
В пустую душу человека...
Растекся Пушкин,
Как река,
В стихах Серебряного века.

С тех пор поэзия нища:
То тела нет, то духа мало.
Душа страдает, путь ища
Во тьме
 вселенского кошмара.

Она рубцовскою строкой
Сквозь мутный символ Кузнецова
У мира просит:
Успокой
Недоклассическое слово.

Верни ему живую плоть,
Вложи в него холодный разум,
Чтобы всевидящий Господь
Нам подмигнул веселым глазом,

Чтоб не устал он
Мир любить,
В каком страдают человечки,
Чтоб смог кого-то
Наградить
Слепым свинцом у Черной речки...

Эх, судьбина-судьба,
Довела-подвела
К роковому, последнему кругу.
Золотые дела
Все как сажа бела...
Что ж, спасибо судьбе за науку!

Как хлестала меня
По щекам, по стихам
В круге первом, отчаянном круге —
За понюх табаку, за граненый стакан,
За хмельную измену подруге...

Я и пел-ликовал,
Я и пил-горевал,
И курил у чужого оконца...
Обручальные кольца
Менял-надевал —
Где теперь обручальные кольца?

Растворились в беде,
Как круги по воде,
Закатились под лавки застолий...
Бес, не трогай ребро! —
Седина в бороде,
А вокруг — ни надежды, ни воли.

Ох, вина моя, вина —
Кружка полная вина...
Эх, грехи мои, грехи —
Жены, дети да стихи...

Ты сидишь, и тверезый, и строгий,
Оказавшийся вдруг не у дел,
Незаконный певец перестройки,
Потому что не вовремя пел.

Нет, в застенках тебя не пытали,
Не совали в лицо пистолет, —
Просто срок на стихи намотали
Да брезгливо сожгли партбилет.

Просто сели спокойные, в силе,
Голоснули, естественно, “за”
И — законно — ярлык налепили,
Намекая: разуй-ка глаза...

Нынче шаткими стали законы,
Но, свершая привычный обряд,
Мимо окон проходят колонны,
Кумачовые флаги горят.

Напрягая железные жилы,
Рвет динамик свои провода,
И несутся иные призывы,
Ты таких не слыхал никогда!

Чем же праздник тебе не лекарство?
Погляди, как ликует земля!
Для великих забот государства
Маловата кручина твоя.

Время новое весело скачет,
И за новое вместе с тобой

Я, быть может, прихлопну стаканчик
И, быть может, притопну ногой.

И в глаза твои гляну босые,
Не умевшие жить, не вина:
Есть ли что-нибудь там для России,
Для тебя самого, для меня?..

ЖИЗНЬ

Россия!
Как сладко весной
На гальке прибрежной усесться,
У малой излуки речной
Проматывать в пуговицы детство.

А в юности — жить за двоих,
Зачеты сдавать и бутылки,
В автобусах низких твоих
Держать потолок на затылке.

В армейских шагать сапогах,
Вносить чье-то имя в наколки.
В высоких твоих поездах
Разглаживать верхние полки.

Бессонно — аж веки болят! —
Подслушивать каждый твой шорох
В твоих широченных полях
И в узких твоих коридорах.

А в старости, жизнь вороша,
Над песней гореть лебединой
И знать, что, уж если п р о ш л а , —
На этой земле, на любимой...

ДРУГУ, БАШКИРСКОМУ ПОЭТУ

Когда еще коснела лира,
Не знала Пушкина страна,
Тень безъязыкого башкира
Ушла в глухие времена.

С тех пор ее упрек напрасный
Не оскорбит сынов степей,
Поскольку был период Красный
И здесь, в Башкирии твоей.

С его жестокого начала
Духовность падала в цене...
Но речь башкирская
звучала
С кацапской речью наравне!

Мы говорить учились снова,
Ища разумный компромисс —
И я, потомок Пугачева,
И ты, Юлаева варис.

Тебе и мне в застолье узком
Звучал простуженно курай.
Сумел и ты сказать по-русски:
— Не покидаю отчий край!

И стала речь твоя
Богата,
Внимал ей

запад и восток:
Язык потомков Салавата
Коснулся пушкинских высот...

Теперь с иной ты правдой дружен,
Ты стал разумен и велик,
Уже, похоже, здесь не нужен
Ни я, ни Пушкина язык.

Прадедов скорбную науку
Забыв в мечтаниях благих,
Мою спасающую руку
Увидишь ты в числе других?

Или в обманчивом уюте
Ты будешь гордо жить один,
Чтоб быть понятным только юрте
Да паре дедовских осин...

К БАШКИРИИ

Я тебе говорю о любви,
Пять веков мы соседи и сваты...
Мне малы малахаи твои
И бешметы твои
Узковаты.

Мне неясен твой древний язык,
Если это имеет значенье,
Но по нраву
К свободе призыв
И наивная жажда кочевья.

Я и сам — на цыганской крови,
На восточной, обугленной коже...
Я тебе говорю о любви,
Потому что мы глазом похожи!

Потому что мы греем в горсти
Слабый отзвук забытого пенья...
А за то, что я русский — прости,
Не впервой мне
Хула да терпенье...

Нас делили Христос и Аллах,
Но роднили
Марксизм и свобода,
Да разгул в пугачевских делах,
Да беда 41-го года.

Потому я тебе о любви
И о дружбе
 сплетаю рулады...
Пусть живут Пугачевы мои
И бунтуют твои Салаваты!

* * *

Знакомясь с незнакомыми людьми,
Дыша серьезным воздухом эпохи,
Я не хмелею больше от любви, -
Простите мне лирические вздохи.

В кругу друзей, у светлого окна,
Подняв бокал за музу и за знанье,
Я не пьянею больше от вина, -
Простите мне невольное признание.

Ну а когда небесный полумрак
Опустится до самой низкой крыши,
Я понимаю:
Это все не так, -
Простите мне написанное выше...

Застоявшись в угрюмые годы,
Не умея взлетать в стремена,
Мы на дикие степи свободы
Смотрим жадным зрачком скакуна.

Наши души
еще не истлели,
Наши мысли
Еще не умны,
К нам еще залетают в постели
Ненадежные девы страны.

Ненадежные друзья приходят
Рвать рубаху на тощей груди,
Как в далеком оттаявшем годе,
Что на пару эпох позади.

И уходят (куда — неизвестно),
Поднимая на лестнице пыль:
Кто на крест, кто на крепкое кресло,
Кто в Бутырку, а кто и в бутылку...

Как их метит тревожное время,
Как снововисто ставит печать!
Ведь нельзя, соглашаясь со всеми,
В то же время со всеми молчать...

Может быть,
Отгудевшим бараком,
Что смолкал под вселенским дождем,
Дань отдав пересудам и дракам,
Мы навеки в бывшее уйдем.

Мы-то что! Мы — обычная почва,
Но на ней
Для души и ума
Вырастают — пускай шлакоблочно, —
Невозможно другие дома...

* * *

Не забывай, поэт, о хлебе,
Что рос в навозе и золе...
Легко летает голубь в небе,
Но пищу ищет — на земле.

* * *

Пора блестящая эстрады
Прошла — и некого винить,
Но языком суровой правды
С народом надо говорить.

Быть не высоко, не далеко,
Чуть впереди и все же — в нем,
Не в позе вещего пророка,
Но в сущем облике своем.

Не то чтобы лиризмом голым
Душа расслаблена вконец, —
А так... сожжешь сердца глаголом
И не останется сердец...

МОСКОВСКОМУ ПОЭТУ

Ты — лучше.

Я, допустим, хуже.

Но равно пьем и хлеб едим.

В одной и той же мутной луже

Не видишь, что ли? — мы сидим.

Презрев классические яти,

Мы мнем есенинскую рожь...

Не трогай Пушкина, приятель,

Да и Сергея не тревожь!

Все наши камерные войны —

Возня мышинная во мгле.

Мы даже смерти не достойны

Ни на дуэли, ни в петле...

* * *

Мой акмеизм и твой имаж

Хоть ложкой ешь, хоть сверху мажь,

Хоть так, хоть этак ты пиши —

Но — для ума и от души.

И только жизнь решит сама

Что — от души,

Что — для ума...

ДУДА

Поэт эпохи триедин:

Вот Блок, Есенин, Маяковский —

Отец и дух святой, и сын...

Мы носим божии обноски!

За девять лет, советских лет, —
Нам предстоит осмыслить это, —
Недуг, петля и пистолет
Замкнули краткий путь поэта.

Увял торжественный венец...
И с той поры — такая жалость! —
Есть на Руси и швец, и жнец, —
Вот только дудка залежалась.

Немой обет ей ведом был —
Почти полвека пролежала,
Когда Некрасов уронил
Ее на смертное одеяло.

А нынче — так уж повелось —
То плач загробный, то побудка,
То кличут вкривь, то тянут вкось,
Но это все

другая дудка...

ПАМЯТИ РАМИ ГАРИПОВА

В послушном слове правды нет,
Как света нет в гробу...
Пиши, художник, не портрет,
А время и судьбу.

Пиши, художник, не рукой,
Не кистью и пером,
А духом,
Связанным с душой,
Как с берегом паром.

И на благом своем веку
Для тела и души
Дай жить
Родному языку,
Рожденному в глуши.

Переведи безмолвный крик
Отеческих могил
И будешь тем потом велик,
Чем неугоден был.

А коли силушка слаба —
Уйди, покой любя.
Другая чья-нибудь судьба
Ответит за тебя...

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Ты стал мне ближе и неинтересней —
Я повторенье чую за версту:
Моей до дыр изношенной песней
Свою ты прикрываешь наготу.

А было время — был твой голос звонок,
Сиял души ликующий овал,
И блеск твоих прекрасных распашонок
Во мне едва ль не зависть вызывал!

Теперь твой стих
Осел на дно бутылок —
И самому не вспомнить наизусть...
Давай, иди за мной,
Дыши в затылок, —
Я на тебя уже не оглянусь.

Друзья, мыслители, витии,
 Говоруны и драчуны,
 Мы равно судьбами России
 Счастливо жить обречены.
 К чему написанное
 Слепо
 Делить карающей чертой:
 Вот это справа, это — слева,
 А то — в середине золотой?
 Уж если петь — так без сурдинки,
 Открытым горлом соловья...
 А золотая серединка —
 Она у каждого своя.

ПЕРЕВЕДЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Чужой песок — на дне колодца.
 Чужой скакун — всегда ретив.
 Чужая песня не поется
 На свой излюбленный мотив.

Но вот ее душа коснулась,
 Ей разум
 Крылья оперил —
 Как птица, песня встрепенулась,
 Почуввав силу новых крыл.

В чужой простор другого края
 Влетает песня, как своя.
 Вторая жизнь.
 Судьба вторая.
 Второе горло соловья...

* * *

Нам в муках выпало рожать
Слова и истины нагие:

Талант обязан

раздражать,

А ублажают пусть

Другие...

* * *

Творец!

Свою люби свободу,

Чтобы чужой не брать в кредит:

Кто мыслит правилам в угоду —

Серьезной мысли не родит.

* * *

Зачем мне быть к земле поближе?

И так, легко напрягши взор,

Встав на колени,

Я увижу

Любой травиночки узор.

Но нам дано

Не по ранжиру

Изведать зло и благодать,

Все то, что мучит душу живу,

Чего с колен

Не увидеть...

* * *

Жесток экран,
Газеты хлестки.
Вся жизнь на наш выходит суд.
Но снова давние березки
В стихах кокетливо растут.

Опять на них желтеют листья
И изумляют пестротой...
Хотелось бы, чтоб наши лица
Не затерялись в роще той.

УЛЕЙ ПОЭЗИИ

В поэзии поэтов нет.
Они — вовне, как пчелы в поле,
Но ими улей разогрет,
Одними — чуть,
Другими — боле.

В народной памяти один,
Давным-давно сраженный пулей,
Отец поэзии и сын
Являл собой и пчел, и улей...

* * *

Твое занятие не ново:
Внимай доступное уму.
Народом сказанное слово
Верни
Народу своему.

Для правды, не для куражу,
В литературные бордели
С прямым вопросом захожу:
Куда живое слово дели?

Его нам Пушкин подарил,
Ну а ему, конечно, няня...
Какой духовный гамадрил
Унизил слово до мычания?

Кого так мама родила,
Что он презрел родные стили?
Раздели слово догола
И стыдно по миру пустили...

Как в гроб, пихают слово в слог,
Рядя в заморскую одежду...
Но даже Хлебников не смог
Содрать с него живую кожу!

.....

Творцы бессмысленных красот,
Певцы столичной конъюнктуры,
Не опускайтесь до высот
Чужой, закормленной культуры!

И в чате памяти,
Сиречь
На двухсотлетней перекличке,
Поэзии прямую речь
Не прячьте в пошлые кавычки...

ТРИДЦАТИЛЕТНИМ ДРУЗЬЯМ

Вы много пьете, мало спите,
Мол, на семь бед — один ответ...
Но проживите, проживите
Еще
 хотя бы восемь лет!

До сорока — по всем приметам,
Вам не дожить, мои друзья,
Поскольку истинным поэтам
Жить дольше Пушкина — нельзя...

ПЕРЕВОДЫ

*Переводы, поэт, не слово,
А дух, мерцающий в словах...*

Гульфия ЮНУСОВА

ДВА ВЗГЛЯДА

1.

— Жизнь подходит к концу:
Вот и пенсию носят,
Но покоя совсем
Нету в доме моем.
Тут сноха родила,
Сын приходит, как в гости,
А старуха ворчит
Каждым сумрачным днем.
Да и младшая дочь
Заявилась под утро:
— Выйду замуж, — кричит, —
Наконец-то уйду! —
Что ж, удача меня
Подзабыла, как будто,
Нету сил никаких,
Чтоб наладить судьбу...

2.

— Ну, а мне на судьбу
Грех еще обижаться:
В полной силе поспел
К пенсионной поре.
Вот, сноха родила, —
Будет род продолжаться:
Рады с бабушкой мы
Озорной детворе.
Наша бабушка — свет
Очага родового,
Сын — кормилец семьи,
Дочь — невеста уже.
Скоро свадьбу играть —
Нам и это не ново!
Жизнь моя удалась
По уму и душе...

Вечер в скверик вошел
И, ступая по-лисьи,
Погружает во тьму
Неразгаданный век.
А вокруг — тишина.
И шуршание листьев.
И задумался в сквере
Один человек...

ИСТОРИЯ

Какого цвета та эпоха,
Чей вечный миг уже прошел?
Черна, коль люди жили плохо,
Бела, коль жили хорошо.

Как мне хочется взглянуть
Долог, нет ли, жизни путь,
Два клубка сравнить, и больший
Лихо в сторону катнуть!

Иль хотя бы, дернув нить,
Чуть тебя притормозить, —
Там, где счастье улыбалось,
Хоть немножечко пожить!

Задержись, тебя прошу,
Я уже едва дышу, —
По земле уже полвека
За тобою я спешу!

Но быстрее все и быстрее
Катишь ты тропой своей, —
Видно, пройдены вершины,
Вниз катиться веселей...

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Я суеверна,
Хочу признаться,
Но очень жалко
Число тринадцать.

Его ругают,
Хулят безмерно,
И я, бывает,
Я суеверна.

Ударит стужа,
Изменит счастье —
У черта дюжин
Полно в запасе.

И пусть под боком
Другие числа —
Как одиноко
Число со смыслом!

Оно — весталка,
Живет обетом,
И очень жалко
Его за это...

РУЧЕЙ

Очищу путь водице талой —
И народится вдруг ручей,
Беспечный, радостный и шалый,
Как ты с тальянкою своей.

Я улыбнусь ручью вдогонку —
Дай бог ему не ведать зим! —
И потихоньку-полегоньку
Пойду с улыбкою за ним.

Пускай открыто и счастливо
Течет вода его, журча!
Твоей тальянки переливы
Звучат в журчании ручья...

МОЯ ЗЕМЛЯ

Я жила, о былом не заботясь,
Но случайно попавшая в дом
Мне поведала Книга гипотез
О таинственном прошлом моем...

В прежней жизни была я цыганом,
Конокрадом, не верящим в ад.
Сколько троп воровских по Балканам
Проложил мой бывалый карат!
И колдуньей была я в Испании,
И на дыбе висела без сил —
Мне монах окровавленной дланью
Дымный факел на теле гасил.
Гейшей в танце кружилась я гибко,
Девой плакала в шорох простынь...
Сорок лет я брела из Египта
До чужих мне теперь
Палестин.
Поклоняясь бесчисленным странам,
Я судьбу подпирала плечом.
Но нигде не была я тираном
И послушным ему
Палачом...
Вот и здесь, у реки белолицей,
От какой моя стать и краса,
Я послушна деревьям и птицам,
А не людям, что губят леса.
Распускаются вербные ветки,
Отражаясь в холодной воде:
Здесь прошли мои древние предки
По траве, по судьбе, по беде.

Тыщу лет берега Агидели,
В розоватый укутавшись дым,
Терпеливо и тайно хотели,
Чтоб я тоже ходила по ним.
Потому и живу я на свете,
И роднюсь с белолицей рекой,
И края несравненные эти
Воспеваю башкирской строкой.
И смиренно прошу я:
Создатель,
Коль прервутся земные пути —
В новой жизни меня, в новой дате
Лишь на этой земле
Возроди.
Колыбель моя — воля башкира,
Лет коня от звезды до звезды...
В середине огромного мира
Пусть мои возродятся следы!
Только здесь моя песня не гибнет
И летит, над рекою звеня...
А Балканы, Мадрид и Египет
Как-нибудь проживут без меня.

БЕЗ ТЕБЯ

1.

Ах, была не женской смелость,
Коль на выбранном пути
Мне умом тебя хотелось
Да и волей
Превзойти.
Вызов я тебе бросала
В час счастливый бытия,
В мыслях беркутом взлетала —

Ты же видел
Соловья.
От любви твоей незыбкой
Я пьянела без вина...
Ты сражал меня улыбкой,
Как мне нравилась она!
Если б шли меж нами войны
И обид вставала рать,
Мне бы не было так больно
В страшный час тебя терять...

2.

Я в доме своем — будто гостя.
Дружу с одинокой судьбой.
А ты бы сказал:
Успокойся!
Любимая, я с тобой...

Поляною после покоса
Душа зарастает бедой.
А ты бы сказал:
Успокойся!
Любимая, я с тобой...

Траву городского погоста
Примну осторожной стопой.
Твой голос звучит:
— Успокойся!
Любимая, я с тобой...

3.

Когда души иссякнут силы,
Приду к тебе поведать грусть.
Над изголовием могилы
Березой белою склонюсь.

Ее сама я посадила,
Листву разгладила рукой,
Чтоб за меня она хранила,
Оберегала твой покой.
Ты — за неведомым порогом,
Где вечность медленно течет,
А мне идти к земным тревогам,
Каким еще не кончен счет,
И принимать вражду и дружбу,
Все, что ниспослано судьбой,
В свою израненную душу,
Не защищенную тобой...

ДУША

Вдали от ада и от рая,
Навечно слитая со мной,
Душа, лампадою мерцающая,
Мне освещает путь земной.

Как солнца луч на дне колодца,
И ночью, и в разгаре дня
В ней, будто пойманная, бьется
Частица божьего огня.

Для тех, кто думает о Боге,
Но им безбожно позабыт,
Для нищих, сирых и убогих
Пускай душа моя
Горит!

В плену тревог и бездорожий
Живет и мучится она,
Что возжена от искры божьей
И ею же обожжена...

ПОДСНЕЖНИК

Шальное солнце соткало
Из золотых лучей погоду
И будто ждет сейчас того,
Кто оживил бы всю природу.

И он придет, цветок простой,
И затрепещет над снегами
Под белоснежной фатой
Его желтеющее пламя.

В проталине зажжется вновь
Природы трепетная свечка,
Цветя, как первая любовь,
Чей век на миг,
Да память вечна...

ЗВЕЗДЫ

Р. Бикбаеву

Тяжело и нелепо,
Не на жизнь, а на смерть,
Звезды падают с неба.
Чтобы тут же сгореть.

Почему не мерцают,
Не живут на земле?
Знать, их доля такая —
Жить в заоблачной мгле.

Там, в дали занебесной,
Где пролег
Млечный путь,
Им нисколько не тесно
И не плохо ничуть.

Ну, а в чуждой стихии
Их теснит окоем...

Мы ведь тоже такие:
На чужбине — умрем.

ХЛЕБ

По старой памяти, по логике земной
В аул родной
Везу я хлеб ржаной.
Он, может быть, немножечко нелеп,
Из города — селу в подарок — хлеб.
Здесь белые буханки на столах
Нам говорят о праведных делах.
Здесь хлеб — как символ прожитых времен,
Белее снега, мягче ваты он,
Сожмешь — и весь уместится в горсти...
Отведай сам и друга угости!
Но помню я другие времена,
Когда была голодною страна:
По прихоти событий и судеб
В аул нам завезли однажды хлеб.
Я до сих пор не пробовал

такой

Пшеничной сладкой булки городской!
В ауле и сейчас нелегок труд,
Но черный хлеб здесь больше не пекут...
Вот почему

по логике земной

В аул родной везу я хлеб ржаной,
А в город, что от роскоши ослеп,
Везу я, возвращаясь, белый хлеб.
С былых времен и до идущих дней
Дороже нет гостинца для людей.
В чужой — не знаю, а в моей земле
Ему найдется место на столе:
И мой аул, и город мой — гляди! —
Хлеб режут,
Чуть прижав его к груди...

МЕДВЕДИ

Собачий холод, волчий гам,
Медвежья глухомань...
Чем хуже нам — тем лучше нам,
Шамань, мороз, шамань!

Здесь птицы гибнут на лету,
Врезаясь в холода,
И чуют кони за версту,
Что ходу нет сюда.

Здесь было лето — да прошло,
Настал голодный срок...
И лишь медведям хорошо
В овале их берлог.

Как самоценные миры,
Довольство возлюбя,
Они тепло былой поры
Замкнули на себя.

На них похожа наша знать:
Устроив свой мирок,
Она не любит отдавать
Накопленное впрок.

...А я весь мир в себя вбирал
И тут же отдавал
Мирам открытым
И мирам,
Свернувшимся в овал.

Чем лучше им, тем хуже нам,
Шамань, мороз, шамань!
Собачий холод, волчий гам,
Медвежья глухомань...

ЛЕД

Не галдели, а глядели:
Ладный ледоход.
Лед плывет по Агидели,
Ноздреватый лед.

Лед плывет белком на блюде,
Сморщенным уже...
Не туда глядите, люди,
Лед в моей душе!

От обид и от напраслин,
От иных невзгод
Наслоился лед ужасный,
Многолетний лед.

Просит он и в зное лета
Печь не раз топить,
И его весною этой
Мне не растопить...

Риф ТУЙГУН

МОСТОК

Здесь, где чертей сменили джинны,
Меж рамазаном и постом,
Тоскуют горные вершины,
Соединенные мостом.

Меж двух вершин, стоящих немо
На обездоленной земле,
В речной поток упало небо,
Чтоб жить с народами во мгле.

Над этой павшей высотой,
Разъявшей Запад и Восток,
Я вновь, как мой прапрадед, строю
Не мной разрушенный мосток.

Я по нему ходил когда-то
К любимой девушке, к друзьям,
И от восхода до заката
Мосток служил тропой нам.

Мы смело вдаль смотрели вместе,
Мы вместе были велики...
На нем качались наши песни,
Звучали наши языки.

Теперь того простора нету,
Мы — каждый — в собственной норе...
Гора не ходит к Магомету,
Ну а тем более — к горе.

И то, что предки завершили,
Не впрок нам, пасынкам страны:
Две одинокие вершины
Друг другу будто не нужны.

Вершины — две.
И два народа.
Две тайны: Запад и Восток.
Одна судьба.
Одна свобода.
Один разрушенный мосток...

ДУША ДОМА

Когда ломают старый дом —
Тревожат чью-то душу в нем.
А окружающим — веселье,
Пусть старый дом горит огнем!

Урчит бульдозер во дворе.
Кричат: “Не бегать!” —
Детворе.
Творятся пыльные поминки
Доперестроечной поре.

У дома есть своя судьба,
В какой была своя борьба,
Свои раздумья и сомненья,
Своя бездумная гульба.

И кто-то пил здесь за успех,
За плач побед,
За детский смех,
А кто-то, раны проклиная,
Стеснялся плакаться при всех.

Один сюда, стыдливо чуть,
Спешил с невестой отдохнуть,
Другой же, мать свою оплакав,
Готовил ей последний путь...

Снесенный дом свезут в сарай,
В овраг, на свалку, в песий рай...
Что ж, на миру и смерть прекрасна —
Душа безвестная, рыдай!

Я буду трудно спать потом
И буду думать я о том,
Что и моя душа однажды
Оплачет мой снесенный дом...

СВЕТЛЫЕ НАДЕЖДЫ

Когда поля нежны и снежны,
В душе, излеченной от ран,
Клубятся светлые надежды,
Как белый утренний туман.
Они восходят, как над полем
Восходят белые клубы,
И все, чем был когда-то болен,
Уже не трогает судьбы.
Но лишь развеются виденья
И оголятся вновь поля —
Душа опять полна смятенья,
Темна, как черная земля.
И затоскую я, как прежде,
Душой, поверившей в обман...
Вернитесь, светлые надежды,
Клубись, загадочный туман!

Молодость ушедшая
Во сне
Превратилась в легкого коня,
Прискакала, юная, ко мне,
Весело взглянула на меня.

И взлетел я, было, в стремяна,
Только,
Как тяжелый снег сосна,
Уронила молодость меня...

...Вздвогнув, я очнулся ото сна.

Молодость ушедшая
Во сне
Превратилась в девицу-красу,
Улыбнулась, ласковая, мне,
На плечо закинула косу,

И ушла, зеленая, как май,
Долгой жизни краткая весна.
Догоняй ее — не догоняй...

...Вздвогнув, я очнулся ото сна.

Это давняя, давняя сказка,
Это сказка твоя и моя —
Наших душ заблудившихся ласка
В позабывшийся час бытия.

Моя юность промчалась скорее,
Чем влюбленные годы твои...
Невозможно быть жизни старше,
Но возможно быть старше любви.

Годы талой водой прибывают
И звенят обручальным кольцом...
Очень жаль, что нечасто бывают
Наши сказки с хорошим концом.

СОДЕРЖАНИЕ

Память

“Не заставший былую войну...”	3
Смерть комиссара	4
“На Волге, Днепре, на Урале...”	5
Баллада о несмирении	6
“Не всем медали выдала война...”	8
Ветеран	8
“Друзья его в земле зарыты...”	9
Полицай	10
Давнее	11
Вечные вдовы	12
Семейная традиция	13
“Пятидесятые года...”	14
Двадцатилетие	15
“На стрельбище трава примята...”	15
“Я знаю склад армейской жизни...”	16
“В дорогах, по которым нас мотало...”	16
Демографический этюд	17

Житьё-бытьё

“У стадиона, кладбища, тюрьмы...”	18
“Пора путешествий настала...”	19
Вырос	19
“Дом родимый покидаю...”	20
“Еду лихо. Ветер злущ...”	21
“Я отдыхаю у скалы...”	21
Убийство	22
“Подарили — и вот чудеса...”	23
Сахалинское	23
“Не внемля благому рассудку...”	24
“Побродил, покалякал с народом...”	25
“Я делал дальние набег...”	26
“Что-то нового, нового хочется...”	26
Житьё-бытьё	27
“У тихой речки с камышами...”	28
“Внедряя слово в ясные дела...”	29
“Есть несколько сводных отцов у меня...”	29
Земля	30
“Этот мир, неоновый и ветхий...”	31
День Урала	31

Икона	32
Художник	33
У церкви	34
Петух	34
“Бродяга-пес, костяшек груды...”	35
Жук	36
Земная пядь	36
Избушки	37
“Среди раскатов гроз страшенных...”	38
“Увозят старые дома...”	39
“Он у стены сидел устало...”	40
“Не дал батя промашки...”	40
“На кладбище — темно и сыро...”	42
Ворон	42
Беглец	44
Белая поляна	44
“В горячих трубах ветер свищет лихо...”	46
50 лет	46
“Не повторятся наши лица...”	48
“...И Бог спросил...”	48

О ней

“Я снова выдумую девушку...”	49
“Ну что ж... последний разговор...”	49
“А я в этот дом неуклюжий...”	51
“Я в последнем вагоне, в последнем купе...”	52
“Пахнет тухлой рыбой в Поронайске...”	52
“А все идет не так, как надо...”	53
“Кого любили неизменно...”	54
“Я был с тобою не знаком...”	54
“Спешу сказать необходимое...”	55
“Мою любимую любили...”	56
“Твой дом. И прямо от порога...”	57
“Загустеет светило ночное...”	58
“Охладели. А почти не жили...”	58
Ключ	59
“Я стою у холодного моря...”	60
“Беде одной на свете скучно...”	60
“...От нашей свечки ночь в окне качается...”	61
Деревенское	62
“Была деревня так тиха...”	63

“Приехать раз в году хотя бы...”	.64
“— Было! Было! — Женщина кричит...”	.65
Стихи о женщине, которая не умеет любить	.66
“— Гляди-ка, правит, как мужчина...”	.66
“Средь распутных, продажных и мнимых...”	.67
“Мы начинали как могли...”	.68
“Не прощайте измен, не прощайте...”	.69
Полина	.69
Позвони мне	.70
Тамарка	.72
Мама	.73

Смутное время

Письмо товарищу	.74
Смутное время	.76
“Я видел Ленина в гробу...”	.78
Память	.78
“Россия, небесные своды...”	.80
Пьяный корабль	.80
Уехали...	.82
“Когда страны шальная сила...”	.82
Похороны шахтера на Сахалине	.83
“Никогда я в бога не поверю...”	.84
Усталые строки	.85
Волчица	.86
Рука России	.88
Голос	.89

Прозаичное

Антихрист	.90
Дни рождений	.95
Двойники	.98
Размышления	.101
Наблюдение	.104

И смех не грех

Мешок картошки	.107
Почти плагиат	.112
Строфы	.114

Из цикла "Божьи твари"

Комары120
Жираф120
Пауки в банке120
Свинья121
Рыба121
Гамадрил122
Сиамская кошка122
Цыпа123

Творим, братцы

Доброта124
Скульптор125
"Уходит веселое время..."126
Муза127
"Был Пушкин. Лирой голосистой..."128
"Я знать не знаю, как там пишут..."129
"Пишу о том, что знаю сам..."130
Ван Гог начинается130
Стихи131
"Оплотом сырых поколений..."132
"Стучат соседние века..."133
"Эх, судьбина-судьба, довела-подвела..."134
Предтеча135
Жизнь136
Другу, башкирскому поэту137
К Башкирии138
"Знакомясь с незнакомыми людьми..."139
"Застоявшись в угрюмые годы..."140
"Не забывай, поэт, о хлебе..."141
"Пора блестящая эстрады..."141
Московскому поэту142
"Мой акмеизм и твой имаж..."142
Дуда142
Памяти Рами Гарипова143
Молодому поэту144
"Друзья, мыслители, витии..."145
Переведенное стихотворение145
"Нам в муках выпало рожать..."146
"Творец! Свою люби свободу..."146
"Зачем мне быть к земле поближе..."146

“Жесток экран, газеты хлестки...”	.147
Улей поэзии	.147
“Твое занятие не ново...”	.147
“Для правды, не для куражу...”	.148
Тридцатилетним друзьям	.149

Переводы

Гульфия ЮНУСОВА

Два взгляда	.150
История	.151
Клубок-колобок	.152
Чертова дюжина	.153
Ручей	.154

Гульнур ЯКУПОВА

Моя земля	.155
Без тебя	.156
Душа	.158
Ромашка и камень	.159
Подснежник	.160

Ирек КИНЬЯБУЛАТОВ

Звезды	.161
Хлеб	.162
Плач	.163
Медведи	.164
Лед	.165

Риф ТУЙГУН

Мосток	.166
Душа дома	.167
Светлые надежды	.168
“Молодость ушедшая во сне...”	.169
“Это давняя, давняя сказка...”	.170

Литературно-художественное издание

ДЕНИСОВ Владимир Владимирович

ЭТО ЖИЗНЬ

Стихи, переводы

Заведующий редакцией С. Шарипов

Редактор О. Гилязетдинова

Художник А. Чудинов

Художественный редактор Ф. Ислахов

Технический редактор З. Чингизова

Изд. лиц. № 04380 от 26.03.01. Сдано в набор 19.02.2003.
Подписано к печати 11.03.2003. Формат 70 × 90 1/32. Бумага
офс. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л.
6,43. Усл. кр.-отт. 6,72. Уч.-изд. л. 6,39. Тираж 2000 экз.
Заказ № 795.

Государственное унитарное предприятие
«Башкирское издательство «Китап»».

450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Отпечатано на Государственном унитарном
предприятии «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, Уфа, проспект Октября, 2.